

Вигбьяпати
Песни
Любви

Москва
«Художественная
литература»
1977

Вигьяпати
Песни
любви
Из индийской средневековой лирики

Переводы
С. Северцева

Москва

«Художественная литература» 1977

И (Инд)
В42

Составление, подстрочный перевод стихов с майтхили, вступительная статья и примечания
Ю. ЦВЕТКОВА

Оформление художника
Н. ПОПОВА

В $\frac{70404-212}{028(01)-77}$ 199-77

© Издательство «Художественная литература», 1977 г.

ВИДЬЯПАТИ И ЕГО ПЕСНИ ЛЮБВИ

Видьяпати Тхакур, или, как его чаще называют, просто Видьяпати (1352—1448), — фигура в индийской литературе огромная и во многих отношениях удивительная. Он жил в ту эпоху, когда санскритская литература, значительно исчерпав в предшествующие века развития свои возможности, постепенно угасала и уступала свое место национальным литературам на живых народно-разговорных языках. Видьяпати создавал свои произведения на заре становления и развития важнейших новоиндийских литератур Северо-Восточной Индии, таких как бенгальская, хинди, ассамская, орийская и родная ему майтхильская. И творчество Видьяпати на протяжении нескольких десятилетий как бы повторило в миниатюре этот сложный литературно-исторический процесс: если первые его произведения написаны на санскрите, то песни любви, которые стали вершиной его поэтического мастерства, Видьяпати слагал на майтхили, языке широких народных масс. Видьяпати прежде

всего — крупнейший и талантливейший поэт майтхильской литературы. Своим творчеством он открывает ее историю, содействует ее бурному и длительному развитию. Но этим не ограничивается значение великого писателя. Видьяпати оказал огромное влияние на многие литературы Северо-Восточной Индии и соседнего Непала, и в первую очередь своей любовной лирикой. Песни Видьяпати получили особенно широкое распространение в Бенгалии, начиная с XVI века, когда там, так же как и во всей Северной Индии, развернулось мощное социальное и культурное движение бхакти («преданность богу»), религиозное по форме, носившее антифеодальный, демократический характер и направленное прежде всего против жречества и консервативных догматов индуизма. В среде бенгальских вишнуитов — участников этого движения, песни Видьяпати о любви пастуха Кришины и пастушки Радхи, носившие у поэта земной, светский характер, получили сообразно идеологии бхакти совершенно иное истолкование: они были восприняты как аллегорическое восприятие отношений между человеческой душой (Радха) и богом (Кришна), то есть любовная лирика Видьяпати зазвучала в религиозных песнопениях, стала исполняться в храмах. И в этой интерпретации она утвердилась в бенгальской литературе настолько прочно, что самого Видьяпати стали считать одним из зачинателей поэзии вишнуитского бхакти в Бенгалии.

Видьяпати был придворным, но его мощное гуманистическое творчество не могло вписаться в узкие рамки придворной поэзии. Слава поэта росла неудержимо, перешагнула дворцовые стены, а его песни получили широчайшее признание, распространились в народе. Пять с половиной веков прошло с тех пор, но и сегодня на родине поэта в дни красочных народных торжеств, и особенно во время свадебных церемоний, звучат песни любви, сложенные Видьяпати.

Видьяпати родился в деревне Бисапи в Митхиле, которая располагалась в северо-восточном уголке Индии, ограниченном с юга рекой Ганг, а на севере лесистыми склонами Гималаев. Если посмотреть на карту, то Митхила в эпоху Видьяпати занимала север современного индийского штата Бихар и часть территории Непала. В истории Индии Митхила на протяжении столетий была традиционным центром учености, мудрости, философии, о чем неоднократно упоминается еще в ведийской литературе. В V веке до нашей эры при дворе правителей Митхилы устраивались ассамблеи, на которые стекались ученые со всех концов Индии. Любопытно, что в обсуждении сложнейших проблем индийской философии там принимали участие и женщины.

В эпоху Видьяпати Митхила продолжала сохранять свое значение центра индийской культуры, и паломники, жаждущие постичь древнюю индийскую мудрость, устремлялись сюда из разных областей Индии, особенно из соседней Бенгалии. Политическая история Северной Индии этой поры характеризуется мусульманскими завоеваниями многих областей, расположенных к западу, югу и востоку от Митхилы. Сама же Митхила вследствие благоприятного географического положения сохранила определенную самостоятельность: правила страной государи (раджи) индусской династии. Они, правда, выплачивали дань мусульманским правителям Северной Индии, зато имели свободу в решении своих внутренних дел и, что очень важно, поддерживали традиции ортодоксальной индусской культуры.

Видьяпати родился в брахманской аристократической семье; отец его был придворным сановником в период правления раджи Ганешвара. В старинном роду Видьяпати были ученые и государственные деятели. Видьяпати получил классическое образование на сан-

скрите: хорошо знал Веды, смрити — древнеиндийские канонические сочинения по религиозным, философским, морально-этическим, юридическим и другим вопросам; изучил логику и науку государственного управления. Как и всякий индеец, Видьяпати знал и любил древние эпические поэмы «Махабхарату» и «Рамаяну», а также предания и легенды из священных пуран, в которых красочно живописались деяния богов и демонов, великих героев и мудрецов-отшельников, говорилось о сотворении и разрушении Вселенной. Так складывалось мировоззрение поэта. Стихи Видьяпати начал слагать, в юности. Отец привлек его ко двору, где процветало увлечение санскритской поэзией. Среди придворных поэтов и ученых Видьяпати отличался разносторонними знаниями, литературной одаренностью. Но признание пришло к нему лишь после создания поэмы «Лиана славы» (1402—1404), в которой автор воспел боевые подвиги раджи Киртисинха в борьбе против мусульман за самостоятельность Митхилы. Уже в этом произведении сказывается самобытность поэта, стремление выйти т жестких рамок жанровой традиции. Поэма написана в стиле средневековых героических сказаний, где придворный певец обычно до небес превозносит подвиги своего покровителя, вводя при необходимости эпизоды полуфантастического характера. Видьяпати, напротив, очень сдержан в своих похвалах подвигам раджи, с большим художественным тактом оценивает его поступки, стараясь избегать преувеличений, выпренных украшений действительности. Это стремление поэта к правдивому изображению мыслей, чувств, поступков героев блестяще проявится позже в его песнях любви. Влечение к творческой самостоятельности автор обнаружил еще и в том, что, не согласуясь с традицией, неоднократно вплетал в поэтическую ткань своего сказания яркие прозаические фрагменты.

Творческое наследие Видьяпати велико и многообразно: кроме песен любви, которые поэт создавал на протяжении двух десятков лет, ему принадлежат два сборника назидательных рассказов на санскрите: «Путешествие по святым местам» и «Испытание человека»; еще одна героическая поэма — «Знамя славы»; одноактная пьеса «Победа Горакхнатха», где герои говорят на санскрите, а поют на языке майтхили. Видьяпати составил на санскрите любопытное «Собрание писем», ценный для истории словесности Митхилы письмовник. Помимо собственно литературных произведений Видьяпати по указанию двора написал юридические трактаты: «Суть раздела» о правилах наследования и раздела имущества (многие из этих правил действуют в Митхиле и сегодня) и «Собрание изречений о дарах», где дана классификация различных даров и пожалований. И наконец ритуальные трактаты, созданные Видьяпати, обстоятельно характеризуют и эпоху индийского средневековья, и общественную идеологию Митхилы тех лет. В трактате «Обряды в течение года» описываются все индуистские праздники, посты и проч., в других сочинениях этого рода говорится о правилах и обычаях поклонения богу Шиве и богине Дурге, о различных ритуалах, связанных со священной для индийца рекой Ганг.

Литературное наследие Видьяпати свидетельствует о том, что на протяжении многих десятилетий творческого пути мировоззрение автора существенно менялось. Земные, светские мотивы, которые пронизывали его ранние творения, постепенно вытеснялись философскими размышлениями о смысле бытия, о вере. Особенно это относится к последним годам жизни Видьяпати, когда он отошел от придворной деятельности и поселился в своей родной деревне Бисапи. Там он и окончил свой век.

Песни Видьяпати — венец его творчества и гордость индийской поэзии. Их насчитывают до восьмисот. Тематика песен чрезвычайно разнообразна: пейзажная лирика, посвящения Шиве, Дурге, Раме, песни любовные, хвалебные и шуточные. Но в большей и лучшей своей части они воспевают любовь Кришны и Радхи. Разбросанные в различных старинных рукописях и рукописных антологиях, после кропотливой и многолетней работы ученых-филологов, которая не прекращается и сегодня, песни были собраны и опубликованы. В настоящее время существует около десятка изданных сборников песен Видьяпати, в основу которых легли рукописи, обнаруженные в Митхиле, в Бенгалии и других местах. Вопрос о том, какой из этих сборников предложить вниманию читателя в русском переводе, сам по себе достаточно сложен. Разумеется, интерес представляют лишь подлинные песни, не подвергшиеся позднейшей обработке. Но не так-то легко определить их подлинность: ведь с той поры прошло более пяти веков. В прошлом веке английский ученый-лингвист Дж.-А. Гривсон, работая в Индии, обратил внимание на песни Видьяпати, которые пели в народе. Ученый начал их записывать и опубликовал восемьдесят два текста. Немало и других песен было впоследствии записано учеными на основе устных источников. Трудно было бы утверждать, что эти песни Видьяпати дожили в народе до наших дней в своем изначальном, первоизданном виде. Даже принимая во внимание удивительную стойкость устной народной традиции в Индии, легко представить, что за пятьсот лет своего существования тексты песен претерпели определенные изменения в результате социальных и культурных сдвигов, которые имели место в общественной жизни Митхилы. Нельзя забывать и о том, что песню при желании мог исполнять каждый и при этом так, как он находил правильным и нужным.

Другая группа песен Видьяпати, вошедшая в изданные сборники, основана уже не на устных, а на письменных источниках, которыми являлись бенгальские антологии XVIII—XIX веков. Выше уже отмечалось, сколь жадно впитала в себя среда бенгальских вишнуитов песни Видьяпати о любви Кришны и Радхи. Песни там были приняты с восторгом, но получили и новое истолкование, обрели религиозную окраску. Простые отношения двух влюбленных, пастуха Кришны и пастушки Радхи, естественные и земные по своему характеру, были смещены в иную, уже не мирскую, а божественную сферу. Ни тематика песен Видьяпати, ни их сюжетные ходы, ни действующие лица, ни музыкальная напевность их не переменялись: остались и любовные свидания героев, и радость встреч, и горечь разлуки, неприхотливая простота индийской деревни и яркая фантасмагория красок различных времен года в природе. Только Кришна был уже не просто пастухом, а воплощением бога на земле в облике деревенского пастуха, который собственно и снизошел с небес, чтобы избавить людей от бед и страданий «века зла», как чаще всего именовала поэзия бхакти эпоху средневековья. И Радха была уже не просто пастушкой, возлюбленная Кришны, а средоточие человеческой любви, аллегория человеческой души, устремленной к богу. Бхакти — это любовь, приверженность к богу Кришне, который стал главным героем кришнаитской поэзии в Северной Индии XVI—XVIII веков. Любовная поэзия Видьяпати явилась благодатной основой для последующего развития лирической поэзии бхакти в Бенгалии и других районах Северо-Восточной Индии. Так обрела эта поэзия новую судьбу и иное звучание в поэтических антологиях вишнуитских общин Бенгалии. Именно по этим текстам с песнями Видьяпати познакомился Р. Тагор; они оказали такое влияние на творчество великого по-

эта, что он создал в подражание им целый цикл стихотворений.

Итак, нет оснований подходить к песням, заимствованным из бенгальских источников, как изначальным, подлинным песням Видьяпати. Столетия неумолимо меняли сказанное поэтом. С течением времени многие песни стали записываться на языке брадж-були, то есть на смешанном бенгальско-майтхильском языке; не обошлось дело и без интерполяций, позднейших добавлений и вставок в стихи Видьяпати. К песням, заимствованным из бенгальских вишнуитских антологий, ученые относятся очень осмотрительно и еще по одной причине. Видьяпати был настолько популярен, авторитетен и почитаем, что ему подражали много и часто; были случаи, когда поэты под своими песнями ставили его имя. Впрочем, с подобными явлениями в восточной поэзии приходится сталкиваться неоднократно: именем Омара Хайяма, например, воспользовались несколько десятков поэтов, чтобы прославить собственные рубай.

Настоящее издание песен Видьяпати основано на так называемой «Непальской рукописи», которая была обнаружена в Непальской королевской библиотеке и издана в Бенаресе в 1954 году. Рукопись выгодно отличается от всех прочих своей древностью: написанная старым мایتхильским алфавитом, она, по мнению ученых, относится к XVI веку. И если по другим сборникам песнопений поэта ведутся дискуссии об авторской принадлежности, то песни «Непальской рукописи» признаются бесспорно принадлежащими Видьяпати и выдержали в Индии уже несколько изданий. Эту рукопись не могла постичь судьба ни песен Видьяпати, бытовавших в народной среде, ни тех песен, что были восприняты и трансформированы бенгальской вишнуитской средой. Таким образом, для перевода на русский язык избран наиболее достоверный сборник.

Все поражает в Видьяпати, — и его творчество и его судьба; сам он будто соткан из разительных противоречий. Придворный певец, он стал народным кумиром. Народ Индии понял и принял его, веками поет его песни. Выходец из старинного аристократического брахманского рода, Видьяпати не страшился ломать косные и консервативные рамки древних традиций, словно бы забыв о том, что долг брахманов свято поддерживать каноны старины. Он слагал своей поэзией торжественный гимн во славу человека, пел радости земной жизни, и он же, лишившись поддержки своих земных покровителей, молитвенно склонялся к ногам богов, прося у них защиты и приюта. Судьба поэтов в средневековой Индии во многом зависела от сильных мира сего. Видьяпати писал в поэме «Лиана славы»: «В наш трудный век стихи слагают в каждой хижине, слушателей найдешь в любой деревне; подлинные знатоки и высокие ценители поэзии живут в городах, а покровителя не сыщешь в целом мире». Поэт нашел себе опору при дворе Митхилы, но после смерти одного из своих покровителей оставил дворец и возвратился в родную деревню. Потеряв опору, он чувствовал себя неспокойно, все чаще обращал мысленный взор к небу, стремясь найти у него поддержку. Надо понять и смятенную душу Видьяпати и его противоречивость: ведь он вобрал в себя все веяния эпохи. А время было сложное и смутное. Недаром писал он о веке злом и трудном. Делийский султанат уже распался, в Северной Индии царил разлад и междоусобицы, Митхила раздиралась кровопролитными войнами. Социальная идеология менялась, все ощутимее сказывалось воздействие мусульманской культуры на исконно индийскую. Санскритская литература медленно, но верно сдавала свои позиции литературам на новоиндийских языках. И самой ранней ласточкой, воз-

вестившей о наступлении весны новых литератур в Северной Индии, стали песни Видьяпати.

В течение двух десятилетий поэт создал сотни великолепных миниатюр о любви. Песни Видьяпати оказались тем живым родником, который дал начало лирической поэзии на майтхили, хинди, бенгали и других языках Северо-Восточной Индии. А где же истоки самих песен о любви? Из каких недр бьют прозрачные ключи любовной поэзии Видьяпати? С одной стороны, это классические произведения санскритской поэзии, с другой — народное песенное творчество его эпохи. Важнейшее влияние на песенное творчество Видьяпати оказала знаменитая поэма «Гитаговинда» («Песня о пастыре») санскритского поэта XII века Джаядевы. Древний поэт великолепно передавал тончайшие оттенки чувств и душевные переживания влюбленных Кришны и Радхи, мастерски строил сцены их сладостных свиданий, любовных игр, томительной разлуки и новых встреч. Однако Джаядева изобразил в своей поэме мистическую любовь, аллегорическое стремление человеческой души в образе Радхи к богу Кришне. Санскритский поэт четко утверждал эту свою концепцию, заявив, что сложенная им песнь о любви восходит как чистая молитва к лучшему из богов.

Видьяпати отверг концепцию мистической любви, он воспел человека, красоту его души и глубину сердечного чувства. Песни Видьяпати неразрывно связаны с жизнью индийского народа, с его бытом, обычаями и традициями, с празднествами и поверьями. Они пронизаны живым юмором, мягкой иронией, а нередко и затаенной печалью, страданием; насыщены пословицами, поговорками, образной деревенской речью; многие из них поэт положил на народные песенные мелодии. Правдивые жизненные ситуации, вдохновенно воссозданные Видьяпати, наполнили его

песни страстностью, впечатляющей силой воздействия на слушателя. Не потому ли так легко впоследствии песни поэта растворились в народной среде? Видьяпати с благодарностью возвратил людям все то прекрасное, что заимствовал у них на своем творческом пути.

В песнях Видьяпати нетрудно обнаружить влияние классической традиции: частое присутствие в них бога любви Камадэвы с луком и цветочными стрелами в руках; описание высоких достоинств и волнующих прелестей героини; последовательное развитие любовного сюжета от первой неожиданной встречи Радхи и Кришны, романтики тайных свиданий и ночей любви до первых размолвок, ссор, томительной разлуки, новых встреч и окончательного разрыва. Все это встречалось уже в памятниках древнеиндийской литературы, в трактатах о любви («Камасутра» Ватсьяны и другие). Классическая традиция обусловила и непременно присутствие в песнях верной подруги или наперсницы Радхи. Ее роль — роль постоянной посланницы: она извещает Кришну, как томится любовью к нему Радха, рассказывает ему, как прелестна пастушка, договаривается о месте и часе тайного свидания, неоднократно соединяет влюбленных, старается примирить их после размолвок. Радха в песнях Видьяпати, как правило, юна, наивна, неловка в проявлении своих чувств. Наперсница старше ее по возрасту, более опытна. Она опекает Радху, дает наставления, как привлечь к себе внимание Кришны, очаровать любимого.

А любимый Радхи далеко не прост. Вряд ли можно отыскать в индийской литературе героя более популярного, чем Кришна, один из могущественных богов индуистского пантеона. Литературные памятники древности и средневековья четко отражали божественную сущность Кришны, в каком бы вопло-

щении он ни выступал — правителя, воина или пастуха. К нему обращались авторы всех времен и всех литератур Индии, начиная от древних упанишад и великой «Махабхараты», написанных за несколько веков до нашей эры, и кончая произведениями современности. Кришна стал поистине бессмертным героем литературы и искусства Индии. Нет ничего удивительного в том, что Видьяпати сделал его главным действующим лицом своих песен любви. Древние индийские поэтики как бы узаконивали заимствование сюжетов из классических творений, обращение к прославленным героям античности. Кроме того, Видьяпати находился под огромным впечатлением «Гитаговинды», живописавшей любовь Кришны и Радхи. Удивительное было в другом.

Кришна в песнях Видьяпати поражает тем, что он не бог, а человек. И это в эпоху средневековья! И это на фоне многих и многих произведений, славящих великого бога Кришну! Видьяпати, конечно же, не был атеистом ни в годы создания своих ранних произведений, пронизанных светскими мотивами, ни тем более на склоне лет, когда он, поселившись в родной деревне, предался глубоким раздумьям о смысле бытия и творцах вселенной. И вопрос только в том, кого из богов в своем религиозном сознании ставил он на первое место. Целый ряд высказываний поэта позволяют утверждать, что его идеология и верования существенно менялись на протяжении всей жизни. То он славил богиню Дургу, то склонялся к ногам Шивы, то заявлял, что высший из богов — Кришна, воплощение бога Вишну на земле. Таким образом, Кришна был для него одним из могущественных богов. Это естественно, поскольку политеизм характерен для верований индийцев того времени. И несмотря на это Кришна в песнях Видьяпати утрачивает свою божественную сущность, обре-

тает мирские, качества и становится обычным человеком.

Видьяпати хотел петь земную любовь, такую, какую он видел в жизни вокруг себя, и он пел... Его называют майтхильской кукушкой, птицей, что возвещает индийцам приход весны и любви. Бессмертны песни поэта о глубоких чувствах, понятных каждому и неподвластных времени, песни о любви и красоте человеческой.

Ю. Цветков

ВСТУПЛЕНИЕ

Ни счастливые дни, ни печальные дни
Не продлятся всю жизнь — им положены сроки.
На изменчивый ход наших судеб взгляни —
То дают, то берут, то добры, то жестоки.

Да, поистине духом велик только тот,
Кто спокоен и тверд, кто исполнен бесстрастья
И во дни торжества, и в годину невзгод,
И в пучине скорбей, и в обители счастья.

О наш Кришна — пастух, махараджа, герой,
Ты, что был незапятнан пороком и скверной,
Смысл и суть я постиг нашей жизни земной,
Размышляя о жизни твоей беспримерной.

Чей позор или славу запомнил народ,
Тот проклятьем иль песней с людьми остается,
Остальное лишь несколько дней проживет
И заглохнет в забвенье, как в старом колодце.

Боль и радость, успех иль позор — лишь плоды
Наших прежних, дурных пли добрых, деяний.
Мощны силы судьбы, приговоры тверды, —
Что на свете законов ее постоянной?

Слабодушный не сбросит тяжелых оков
И погибнет в трясине тоски и сомнений,
А достойный, страданья и скорбь поборов,
Поднимается вверх — от ступени к ступени.

Песни
о встрече
Радхи
и Кришны

Прелестная купается... И кто бы
сейчас ни увидал ее украдкой,
Так и застынет, поражен мгновенно
стрелой любви, мучительной и сладкой.

О как она стройна и как стыдлива,
с волос вода струится, извиваясь,
Как будто плачет мрак тяжелых прядей,
луны лица прекрасного пугаясь.

Смотри, как шелк намокший повторяет
изгибы тела смугло-золотого, —
Искусен бог любви, таким соблазном
смутил бы и отшельника святого.

Волнуются встревоженные груди —
трепещут, будто две пугливых птицы,
Две диких птицы — красноклювых чаквы,
что через миг готовы в небо взвиться.

И словно в самом деле опасаясь,
 что улетят они к родимой стае,
Испуганными, нежными руками,
 красавица их держит молодая.

Беспечно играла ты на песке прибрежном,
когда я украдкой сошел на берег Ямуны.
Цветы и травинки запутались в черных косах,
как будто во тьме засияли кометы и луны.

О юная дева, ни с чем не сравним твой облик, —
нежданной тревоги я чувствую приближенье
То бог Камадэва поспешно скликает войско
и лук напрягает, готовясь начать сраженье.

Не сам ли творец, достав луну с поднебесья,
твое серебристое тело искусно создал,
Лицо тебе вылепил из золотого слитка,
а из крупинок оставшихся сделал звезды!

А то, что еще оставалось в горячем тигле,
опять расплавил и загустеть заставил,
И два холма твоих островерхих грудей —
два дивных чуда — к твоим чудесам добавил

Внезапно тень — холодная тень скользнула,
о дева нежная, что в этот миг случилось?
Но тень исчезла, а с ней и твоя надменность:
лицом к лицу предо мною ты очутилась.

Она прошла, и понял я:
красивей в мире нет!
Она прошла, — и с жадностью
мой взор спешит вослед.

Ведь даже если ничего
наследство скоро ждет,
Быть жадным и завистливым
он не перестает.

Природой дивно созданы,
черты ее светлы:
Лицо подобно лотосу,
глаза — как две пчелы,

Как две пчелы на лотосе,
что меду напились
И расправляют крылышки —
вот-вот умчатся ввысь.

Сегодня я красавицу
увидел по пути —
И разум зачарованный
не знаю, чем спасти.

Ее живые прелести
я взглядом пожирал,
На горы златоверхие —
на грудь ее взирал.

А бог любви подсматривал —
за дерзость проучил:
Мой разум одурманенный
под стражу заключил.

Лицо у нее прекрасно,
а смех серебрист, певуч,
Как будто нектар душистый
луна струит из-за туч.

Взглянул я — и восхитился
весенней ее красотой,
И царственной походкой,
и черной, как ночь, косой.

Сурьмой подведенные веки
изогнуты и чутки,
Как будто уселись пчелы
на нежные лепестки.

А стан, несравненно тонкий,
сломаться вот-вот готов
Под тяжестью спелых грудей —
тугих золотых плодов.

Кто совершил столь дальний путь,
чтоб только встретиться со мной,
А тысячу любимых жен
оставил в Матхуре родной?

Сокровище моей мечты
само навстречу мне идет, —
Что за пророчество веков
приносит долгожданный плод?

Он в небе месяцем блистал,
я лилией в пруду росла, —
Узреть друг друга в первый раз
нам наконец судьба дала.

Вот он — недостижимый бог
с гирляндой лотосов святых,
Вот я — в кругу моих подруг,
крестьянских девушек простых.

О первый мимолетный взгляд —
огнем он в душу мне проник!
О благосклонная судьба —
счастливый час, счастливый миг!

Вот по этой тропе в тот весенний день
он прошел, ясноглазый и темнотелый.
С той поры вдоль этой тропы мой взор
вслед ему устремляется то и дело.

Растерялась я, грудь не успела прикрыть,
заметалась душа моя, как в ловушке, —
Видел он обнаженные груди мои,
и над этим смеялись потом подружки.

О скажи, — ты мне ближе из всех подруг, —
где его отыскать, как увидеть снова?
Я отправлюсь в путь, чтоб опять взглянуть
на лицо божества моего молодого.

Пусть живет он немислимо далеко,
пусть дорога к нему тяжела, опасна, —
Ради встречи с ним, бросив дом родной,
хоть на край земли я идти согласна!

Много ль стоит прекрасная плоть моя,
и стыдливость моя, и незрелый разум?
Много ль стоит безвестная жизнь моя
рядом с этим лучистым живым алмазом?

О, как стрелы безжалостны бога любви —
дни идут, не приносят мне облегченья!
До сих пор я не знала тревог и забот,
а теперь днем и ночью терплю мученья.

У тропы я стояла, когда он прошел,
а за ним толпой устремились люди,
Но успел он искоса бросить взор
на меня — на мои обнаженные груди.

Раскален мой рассудок — вот-вот сгорит,
переполнено сердце — вот-вот порвется,
Будто в ад провалилась стыдливость моя,
будто в глубь пылающего колодца!

Мне бы Индру великого повстречать:
я бы тысячу глаз его одолжила,
Мне бы Гаруду грозного отыскать:
я бы крылья могучие попросила,

Чтоб взлететь, божество мое повидать —
хоть на миг, тайком, затаив дыханье...
Ах, все мысли мои эта мысль сожгла,
все желанья затмило это желанье!

Этой ночью в светлом сновиденье
 он ко мне явился как живой, —
Тело от желанья содрогнулось,
 в сердце вспыхнул трепет огневой.

Над лицом моим лицо склонил он,
 с пылкой радостью к устам приник...
Пробудилась я, — и что случилось,
 почему исчез он в тот же миг?..

Был мой сон чудесен, но обманчив —
 до сих пор обида душу жжет:
Не смогла я счастьем насладиться —
 слишком скоро наступил восход.

Как жасмин цветущий, я пылаю,
 он шмелем летит на мой призыв
Но рассвет приносит боль утраты,
 нас, влюбленных, снова разлучив.

Ах, недолго я была богатой —
ярких снов исчезло волшебство:
Горе мне, — алмаз бесценный выпал
из подола сари моего!

Порывистой была, — а стала вдруг
 спокойнее, задумчивей, ровнее,
Чего-то ждет, скрывается от всех —
 я не пойму, что происходит с нею.
Приди, о Кришна, поспеши взглянуть:
 открылась в ней пленительная сила,
Клянусь тебе, — с утра ее узрев,
 я, как ошеломленная, застыла!
Дни детства робкого бежали прочь,
 пришла победа юности горячей, —
Пусть даже в гнев красавица придет,
 ее слова нектара будут слаще.
«Ступай отсюда! Место уступи! —
 сказала юность, прогоняя детство, —
Ты столько лет впивало сладкий сок,
 хочу и я отведать наконец-то!»

Чем больше чести и похвал,
 тем меньше искренности в деле.
От Радхи я пришла — узнать
 твои намеренья и цели.

Бросая взор по сторонам,
 ты всех тревожишь да морочишь —
За ослепительным умом
 свое лукавство спрятать хочешь.

О Кришна, Кришна, ты премудр,
 а ведь нуждаются в совете
Лишь те, что потеряли путь
 или неопытны, как дети.

Как золото распознают,
 едва потрут о пробный камень,
Так по поступкам судим мы,
 насколько жгуч любовный пламень.

И как цветочную пыльцу
по аромату различают,
Так и возникшую любовь
по блеску взоров замечают.

Подруга Радхи

Сердце твое как цветок горящий,
а речь душистого меда слаще,
К тебе я пришла, потому что верю,
что вправду мужчина ты настоящий.

Что ж медлишь ты? Всеблагое небо
тебе небывалое счастье прочит!
Найдется ль такая глупая дева,
что первая пламя обнять захочет?..

Кришна

Ступай, посланница, прочь отсюда,
где совесть твоя, не могу понять я!
Чужую жену ты мне предлагаешь —
иль нет у тебя почтенней занятия?

Известно: чтоб погубить мужчину,
все средства у женщины наготове,
Она пробуждает безумца Анангу
одним движеньем лукавой брови.

Сегодня надежду зажжет, а завтра
изменит своим обещаньям ложным,
Приблизясь к ней, даже самый смелый
становится слабым, смешным, ничтожным.

Ступай — и больше не смей являться,
давно я уловки женские знаю, —
Пуускай она всех на земле красивой,
но стать посмешищем не желаю!..

Тебя надеясь повстречать,
 он бродит при луне,
На ложе стонет и дрожит
 в тоскливом полусне.

Куда с рассвета ни пойдет —
 к ручью или холму,
Во встречной девушке любой
 ты чудишься ему.

Полями, рощей ли густой,
 селеньем ли идет —
Лишь одного с волненьем ждет:
 когда тебя найдет?

Но нет тебя... И так сильна,
 мучительна любовь,
Что наземь падает в тоске
 несчастный вновь и вновь.

О Радха! Плодоносной стать
теперь твоей судьбе:
Пресветлый муж тебя узрел —
томится по тебе.

Не, так ли, редкостный цветок
из виду потеряв,
В тоске, в безумье кружит шмель
среди кустов и трав.

Пусть манго, джатаки, жасмин
привлечь его хотят,
Стал безразличен для него
их цвет и аромат.

Забыл о них влюбленный шмель,
нектара их не пьет,
Лишь тот единственный цветок
теперь его влечет.

Тебя узрев, к тебе одной
стремиться будет он, —
Чем очарован человек,
к тому и устремлен.

Так воду на краю горы
не сдержишь никогда —
Стремиться будет вниз и вниз
упрямая вода.

Распустились цветы —
 источают пьянящий хмель,
Но кругом — шипы,
 подобраться не может шмель.

Смотрит, жаждой томясь,
 на тебя, царица цветов,
Твой нектар медвяный
 он пить без конца готов.

О прекрасная Малати —
 сладо­сти пол­ный цветок,
Кружит шмель беспокойный,
 ищет твой спелый сок.

Ты — как чаша с медом,
 а он только медом живет,
И не стыдно ль тебе
 лишь копить да беречь свой мед?

Так решайся скорей!

Ты понять наконец должна:

Если шмель умрет,

это будет твоя вина!

Из влажных лотосов устроив ложе,
его с трудом я погрузила в сон,
Но лотосы желтеют, увядают —
так с головы до ног он раскален.

Сандал его не лечит — распаляет,
луна подобна злейшему врагу,
И если средств целебных не отыщем,
за жизнь его ручаться не могу.

О Радха, сжался: разлучась с тобою,
он сохнет и слабеет день за днем,
Тебя не видя, больше жить не хочет,
снедаемый мучительным огнем.

Врачи отчаялись, помочь не могут,
теперь не человек он — полутруп,
Одно лекарство есть, одно спасенье:
нектар твоих благоуханных губ.

Подруга

О любимица наша! В тебе нахожу
всех достоинств пленительное воплощенье:
Как весна, ты свежа, а твоя красота
вызывает недаром у всех восхищенье.

Так ужели творец оказался глупцом,
одиноким создав совершенство такое?
Неужели не смог сотворить для тебя
столь же редкостное воплощенье мужское?

Ты грустна, — но тебе я могла бы помочь,
ибо вижу: ты жаждешь в душе одного лишь!
Я скажу, как желанного можно достичь,
если быть до конца откровенной позволишь.

Радха

Говори! Ибо даже дурные слова
нам порою приносят не горе, а благо,
Все, что есть у тебя на душе, говори, —
но не жди от меня безрассудного шага.

Подруга

Я готова помочь, но встречайтесь тайком,
Пятистрелый отныне — ваш друг и защита,
Многих радостей нет у законной любви —
слаще милого тайно любить, чем открыто!

Радха

Замолчи! Этой вкрадчивой речью своей
ты горящую рану мою растравляешь!
Заставляешь отраву змеиную пить,
а для сладости сахар в нее добавляешь?

Подруга

Не сердись! Беспредельна, как море, любовь,
вот и можно о ней говорить бесконечно.
Ты ведь знаешь: к тебе ни одна из подруг
не привязана так глубоко и сердечно.

Коротка наша юность, — и счастливы те,
что успеют познать все ее наслажденья,
Наслажденья же юности — только в любви,
остальное — лишь вымыслы да наважденья.

Настоящий мужчина идет до конца —
он не бросит любимую на полдороге.
Превратится стыдливость в горячую страсть,
как в луну превращается месяц двурогий.

Есть и ярче красавицы —
 много их в нашем краю,
Но в тебя он влюблен,
 будто в душу вторую свою.

А теперь без тебя
 он лишился покоя и сил, —
Камадэва страданиями
 душу его поразил.

Слушай, слушай меня:
 ты красива, стыдлива, чутка,
Торопись же, не медли —
 весенняя ночь коротка.

Прелесть юного тела
 под складками темных шелков
С лунным светом сравню
 под покровом ночных облаков.

Так чего же ты ждешь?

О скажи, почему до сих пор

О нектаре твоём

лишь мечтает влюбленный чакор?

Тоскует юная жена,
 подобная царице пчел:
«О боги! — сетует она. —
 За что мой жребий так тяжел?»

Когда вернется мой супруг,
 в моих объятьях будет спать?
Ужель к другой стремится он
 и где скитается опять?

Уж скоро год, как дом родной
 в последний раз он навестил,
Чуть вспомнится его лицо —
 лишаюсь я надежд и сил.

Сидел загадочен и хмур,
 молчал, не поднимая глаз,
Был рядом, а казалось мне,
 что море разделяет нас.

А груди спелые мои,
 что стольких юношей влекли,
Решил тем временем ласкать
 пришелец, сын чужой земли.

Не раз писала письма я
 владыке — мужу своему,
Весь день, низая жемчуга,
 ждала его в пустом дому,

Ткала узорчатую ткань,
 плела гирлянды круглый год, —
Ужель неведомый чужак
 теперь со смехом их порвет?

О добрый путник, ты идешь
 в суровый путь, в далекий край,
Прошу, супругу моему
 посланье это передай.

Любой ценой его найди
 и пристыди, и урезонь,
И вот что с первых слов скажи:
 любимая вошла в огонь!

Песни
о первой
ночи

Он — муж красавицы другой,
и ты — жена другого,
А я — два берега, как мост,
соединить готова.

Все силы приложила я,
чтоб встреча состоялась,
Теперь, о лотос мой, судьбе
довериться осталось.

Готовясь к тайной встрече с ним,
себя укрась прилежно
И помни: колебанья, страх
нас губят неизбежно.

Ступай с надеждой, ведь тебе
вручила верный ключ я, —
Нет никого, кто б не желал
себе благополучья!

В час первого слиянья, первых ласк
бог Камадэва голоден и жаден, —
Будь сдержан — второпах не раздави
сладчайшей из чудесных виноградин.

Не жадничай, стыдливой овладев,
смирять свое мучительное пламя, —
Достойный лучше с голоду умрет,
чем станет есть обеими руками.

О Кришна! Ты, конечно, очень мудр
и должен знать не хуже, чем другие,
Как боязно слонихе молодой
почуять жезл погонщика впервые.

Она решилась встретиться с тобой
лишь после долгих просьб и увещаний,
Так постарайся милой угодить —
ей сразу станешь ближе и желанней.

Настойчиво к любви не принуждай,
 так делают лишь грубые невежды,
Она нежна, — не рань ее души,
 в порыве страсти не порви одежды.

С ней наслаждайся лишь до той поры,
 пока твой натиск терпит благосклонно,
Но отступи, едва заметишь ты,
 что смотрит недовольно, утомленно.

И за руки поспешно не хватай,
 увидев, что уйти она готова, —
Так демон Раху, изрыгнув луну,
 ее тотчас же не глотает снова.

Любовник несравненный он, полна и ты огнем,
Пускай цветет жасмин любви пышнее с каждым днем.

Торговцы в город собрались на торжище любви,
Повыше цену им назначь — и не продешеви.

Сам Кришна — покупатель твой, и сделка неплоха,
Его невеждой не зови, приняв за пастуха.

В убытке будешь, не сердись: славнее славных он,
Среди пастушек у него шестнадцать тысяч жен.

И не смущайся, что тебя он выше в сотни раз:
Расстелит ложе бог любви — и уравниет вас.

Сначала волосы укрась
и знак на лбу поставь,
А после подведи глаза —
им живости добавь.

Явись к нему, до самых пят
закутанная в ткань,
А чтоб сильнее возжаждал он,
чуть-чуть поодаль встань.

Сперва, душа моя, стыдись —
лишь искоса гляди,
И вспышками лукавых глаз
в нем пламя пробуди.

Наполовину грудь прикрой,
чтоб часть видна была,
Заботься, чтоб тесней твой стан
одежда облегла.

Нахмурься, — но потом на миг
и радость прояви,
Будь сдержанна, чтоб вновь и вновь
он ждал твоей любви.

Какой еще благой совет
тебе необходим?..
Сам бог любви да будет впредь
наставником твоим!

Дождливая ночь темна, холодна,
и стройная ждет допоздна:
Ненастье и мрак да крики бродяг, —
как выйдет из дома она?

Дрожит она, ждет всю ночь напролет,
страшась этой первой любви.
О Кришна, приди, помоги, снизойди —
ей ласку и милость яви!

Ямуна бурлит — ей гибель сулит,
легко ли поток пересечь?
Приди же скорей, — ведь неведомы ей
безумства любовных встреч.

Глухим оставаться к тоскливой мольбе
не стыдно ли, мудрый, тебе?
Пчела разве ждет, что сладостный мед
навстречу ей сам потечет?

Ты мне это тяжкое дело
представила слишком простым!
Тропой, где колючки и змеи,
мы шли, чтобы встретиться с ним.

Шли долго, гроза бушевала,
и тьма застилала мой взор, —
Два рода старинных решилась
в ту ночь я обречь на позор.

Доверясь тебе, моя сводня,
тайком я из дому ушла,—
Мне смерть по сравненью с разлукой
казалась не так тяжела.

Что ныне скажу я, достигнув
десятой ступени любви?
Ты амриту мне предложила,
но яд заструился в крови.

О как ты бесстрашно, подруга,
чужое богатство крадешь,
Иду за тобой — и не знаю,
куда ты меня приведешь!

Жди, оставайся на ложе —
и не тревожься ничуть,
Брось эту детскую робость,
брось, недотрогой не будь!

Что ты лицо опустила,
будто в пугливой тоске?
Что ты в смущении чертишь
пальцем на влажном песке?

Видишь, красавица: вот он,
рядом — возлюбленный друг,
С ним ты впервые на ложе,
но побори свой испуг.

Будешь ты с первой же встречи
счастлива с милым вдвоем,
Слейтесь душою и телом,
словно цветок со шмелем.

Прочь колебанья и страхи:
 близится радость любви,
Друг твой пылает желаньем, —
 сбрось же одежды свои!

Подружка моя, подружка!
Зачем мы пришли сюда?
Владыка могуч и грозен,
а я еще так молода.

Зачем ты меня покидаешь?
Безлюдно, темно кругом,
И как за железной дверью
осталась я с ним вдвоем.

Проснулся в нем жар любовный,
и взор стал горяч, тяжел,
Схватилась я за одежду, —
теперь мне конец пришел!

«Нет-нет!» — я его умоляю,
и слезы текут ручьем,
Качаюсь, как тонкий стебель
качается под шмелем.

А тело от страха стынет,
и сердце дрожит в тоске,
Как трепетная росинка
у лотоса на лепестке.

Стыдливую к тебе я привела,
а это стоило больших усилий, —
Будь бережливым, если хочешь ты,
чтоб наслажденье вы сполна вкусили.

Смотри, как терпелив мохнатый шмель:
сев на цветок, он не ломает стебля —
Не торопясь сосет душистый мед,
лишь осторожно лепестки колебля.

Так поступай и ты — понравься ей,
и если это вскоре удалось бы,
Придет опять — еще не раз придет,
и больше не потребуются просьбы.

Она, как ветка сириса, нежна,
будь нежен с ней, как подобает Кришне,
И следуй наставленью моему —
не проявляй поспешности излишней.

В час первой встречи не пугай ее,
не дай прорваться бешеному пылу,—
Пусть ваша страсть день ото дня растет,
как месяц в небе набирает силу.

Ей даже в шутку грубость не скажи —
то было б непростительной ошибкой!
Тогда без страха вновь она придет —
придет к тебе с доверчивой улыбкой.

Когда я шагнула к ложу,
дыханье в груди затая,
В лицо горячо взглянул он,
душа замерла моя.

Почудилось на мгновенье:
весь мир кругом запестрел
От сонма богов, летящих
с пучками цветочных стрел.

Нет слов у меня, подруга,
чтоб я описать смогла
Безумства и наслажденья,
что с ним я пережила.

Не ведаю, что случилось:
не слушалось тело меня,
А он от восторга светился,
лицо надо мной склоня.

Пить мед моих губ он начал,
гирлянду мою сорвал,
Поспешно узлы распутал
цветных моих покрывал.

Над всею моею жизнью
он сети любви простер,
И страсть порвала границы
и вырвалась на простор.

Одежду с меня он сбросил,
пылая, шепча, смеясь,
И власть над собой теряя,
я дрогнула, я сдалась, —

Сдалась, разгораясь страстью,
счастливейшая из жен,
Не в силах ни дать согласия,
ни ставить ему препон.

Одежду сорвал он с меня, как змею,
А с нею отбросил и робость мою.

Покровом моим стало тело его,—
Слились мы, пылая, в одно существо.

Я помню, на миг он лицо повернул,
Склонен надо мной, на светильник взглянул.

Казалось, пчела наклонилась — и мед
Из полураскрытого лотоса пьет.

Неведомы богу ни слабость, ни стыд:
Дай волю ему — обожжет, ослепит.

Как чатака — вестник весны и любви,
Он чувства скрывать не желает свои.

Припомню, как был он неистов тогда,
И жалкий мой разум горит от стыда.

От страстной тоски и сейчас я дрожу, —
Ну что я об этом еще расскажу?

Лотос пламенный раскрывается —
с чем его красоту сравнить?
Что голодной пчеле желаннее,
чем нектар его сладкий пить?

На шарах твоих грудей — ссадины
от безумных моих ногтей,
А кукушка о том проведала
и смеется в тени ветвей.

О гневливая, о надменная,
обернись назад — посмотри:
Тьму полночную, тьму обманную
пьют лучи золотой зари.

О прекрасная, всех сокровищниц
драгоценней женская честь, —
Стыдно мне, что в казну алмазную
я дерзнул, будто вор, залезть.

И за этот грех наказал меня
бог, держащий пять жгучих стрел:
Выкрал душу мою влюбленную
и, как пленницей, завладел.

Ночь кончается...

Лотос уже приоткрылся слегка,
Закружилась пчела —
видно, милого ищет дружка.

Все тусклее светильник,
а даль — все ясней и красней,
Это всходит заря
и склоняется мрак перед ней.

Отпусти меня, Кришна, —
теперь я хочу отдохнуть,
Будет бог благосклонен —
мы встретиться сможем опять.

Тот любовник умен,
что желанья возлюбленной чтит,
А иначе сердцам
неизбежный разлад предстоит.

На грудях ее — незрелых плодах —
царапины от ногтей видны,
Весенним побегам подобны они,
обвившим две золотых луны.

А нежная то прикрывает их,
то прячет под шелком, скользящим с плеч.
Вот так бедняк, отыскавший клад,
его решает, как жизнь, беречь.

О как молода, как пуглива она —
впервые любимому отдалась
И вот, вспоминая о ласках его,
пылает, и радуясь, и стыдясь.

От глаз наставников и родных
в укромном спрятавшись уголке,
Тайком она смотрится в самоцвет,
лежащий на нежной ее руке.

Украдкой склоняет над ним лицо
и губы разглядывает свои:
Следы от укусов горят на губах —
багряные, жгучие знаки любви.

О Мадхава, сердце твое невозможно понять:
Чужой самоцвет ты решился в подарок принять.

А если дурное содеяла я, то прости, —
Решила я льва с молодой слонихой свести.

О Кришна премудрый, внемли этой пылкой мольбе:
Подругу мою не отринь, что стремится к тебе.

С тоскующих глаз ее стерлась густая сурьма,
Искусаны губы, — совсем она сходит с ума.

Следы от ногтей на крутых ее грудях видны,
Похожих на две восходящих над Шивой луны.

То дрогнет пугливо, то снова уйдет в забытье,
Безмолвны уста, но встревожены мысли ее, —

Боится, что муж возвратится, боится родни,
Боится людей злоязычных, — что скажут они?

О Мадхава, сжался: полна я тревог и забот,—
Пускай мне на голову тяжкий позор не падет!

Сидит с распущенными волосами,
 склонив лицо, и с детскою улыбкой
Подносит руку к обнаженным грудям,
 обмахивает их ладонью гибкой, —

Как будто поклоняющийся Кама
 подносит лотос золотым святыням
И светлый лик Дарующего счастье
 обмахивает веером павлиньим.

Клянусь тебе, благословенный Кришна:
 сам бог любви настаивает страстно,
Чтоб ты вернулся, чтоб опять увидел,
 как нежное лицо ее прекрасно.

Спадают с плеч лианы черных прядей,
 как сотни струй Ямуны благодатной,
И словно волны животворной Ганги, —
 цветы ее гирлянды ароматной.

И погрузясь в их трепетные струи,
она сейчас у неба всеблагого
Лишь об одном великом даре просит:
о Мадхава, тебя увидеть снова!

«В ночь нашей первой близости любовной
боязни побороть я не могла.
Когда слились два наших жарких тела,
уже плыла предутренняя мгла.

Всех радостей любви я не познала, —
стыдливость, ты была моим врагом,
И лишь теперь — в порыве сожаленья —
томлюсь мечтой о друге дорогом.

Ах, если б эта пчелка золотая
к нему слетала с весточкой моей —
Передала, что нашей первой встречи
не позабыть мне до последних дней,

Не позабыть, как с ласкою усталой
он пряди кос моих перебирал,
И груди нежно гладил, и с улыбкой
моей гирляндой смятою играл.

Была б я сотней женщин — все улады
ему смогла бы сразу предложить,
Но я слаба в любовных ухищреньях —
чем страсть его сумею заслужить?

О как мне выразить, с каким смиреньем
за эту ночь его благодарю!
Хочу молитвенно сложить ладони,
когда в слезах об этом говорю.

Юна моя любовь: едва раскрылась,
а мной уже погублена почти, —
Ведь я молчала — даже на прощанье
ни слова не смогла произнести!..»

И над красавицей грустящей сжалась,
так говорит Видьяпати-поэт:
«Не бойся: мудр твой молодой любовник,
продлится счастье ваше много лет!»

Песни

о счастливых
свиданьях

«Весной любуясь радостно, давай пойдём туда,
Где, улыбаясь, лилии раскрылись у пруда,

Где ясный месяц кажется серебряным шмелем,
Где так красиво полночью и так тенисто днем.

Там бродят девы юные, их взоры душу жгут,
Притворщицы надменные — свиданий тайных ждут.

А из кустов тем временем, следя их каждый шаг,
Г пятью хмельными стрелами глядит лукавый враг!»

Вот так поэт Видьяпати описывает вам
Леса, где Радха с Кришною встречались по ночам.

О нежная, скрой поскорей лицо,
нельзя, чтоб тебя узнали:
Объявлено было по всей стране,
что с неба луну украли.

Всю ночь сегодня из дома в дом
с обыском ходят стражи,
Увидят, как светит твое лицо,
еще заподозрят в краже.

Послушай, красавица, мой совет:
набрось на лицо покрывало,
Желаю тебе, чтоб даже во сне
сердце тревог не знало.

Улыбку свою серебристую спрячь,
блистающую нектаром:
Торговец богатый заметит ее —
объявит своим товаром.

Деревьев тысячи в лесах,
 милльоны веток и лиан, —
Вот так и юных дев не счесть
 из ближних и далеких стран.
У каждого цветка — нектар,
 на каждом из цветов — пчела,
И как бесчисленны цветы,
 так ароматам нет числа.
Внемли, красавица моя,
 от всей души скажу тебе:
О Радха, радуйся судьбе,
 чудесной, редкостной судьбе, —
Тот, кто прекрасен и могуч,
 кого мы Кришною зовем,
Ко всем красавицам остыл
 и счастлив лишь с тобой вдвоем.
Когда пчела полюбит мед,
 он и во сне ее влечет,

Пусть аромат — уже не тот,
а ей все дорог этот мед.
Когда поет и кружит шмель
над свежей розою своей,
Она дороже всех богатств
и всех чудес ему милей.
Вот так и он, любимый твой,
мечтает о тебе одной
И делит ложе лишь с тобой
в ночи, под колдовской луной.
Ладони и в глубоком сне
к тебе протягивает он,
И, шепотом тебя назвав,
от счастья вздрагивает он.
Как часто, вдоволь насладясь,
к тебе он тянется опять,
Но ты ушла — тебя в лесу
уж не найти и не догнать.
Как он растерянно стоит,
как он беспомощно глядит, —
Не позволяет только стыд
ему расплакаться навзрыд!

Утопает широкое ложе в цветах,
И светильник ярко горит впотьмах,
С благовоньем алоэ смешался запах сандала.
Здесь любовным играм уже не раз
Предавался ты с милою в сладкий час,
И от бога любви ей пришлось претерпеть немало.

Загляни, о Кришна, под этот укрomный кров:
Приготовив ложе, томится она, не спит —
Жадно слушает, ждет приближенья твоих шагов,
В нетерпенье страстном забыла и страх и стыд.

Говорят, если честь у мужчины есть,
Услыхав от любимой желанную весть,
Как лесной пожар, он стремится к месту свиданья.
И в надежде увидеть вскоре тебя,
За порог она смотрит, томясь, любя,
Не смежает глаз, воспаленных от ожиданья.

Как меня ненасытно
 он любит всю ночь напролет:
Чаши грудей пугливых
 руками горящими мнет,

Припадает к губам —
 и нектар их глотает хмельной,
Будто нищий с жемчужиной,
 жадно играет со мной.

О подруга, поверь:
 говорю — и горю от стыда,
Я теперь поняла,
 что в плену у него навсегда.

Ослабела одежда —
 на землю готова упасть,
И над телом моим
 я теряю последнюю власть.

Тщетно прячу лицо,
 закрываю ладонями грудь, —
Обуздать ли грозу,
 если молнию хочет метнуть?

Подруга Радхи

Пойдем, красавица, пойдем, —
 лицо атласной тканью
Прикрой, чтоб не дивилась ночь
 нежданному сверканью.

И чтобы жаждущий чакор,
 введенный в заблужденье,
В лицо не бросился тебе
 в безумном опьяненье.

Молчи, красавица, молчи, —
 не то тебя при встрече
Любой узнает и во тьме
 по ароматной речи.

Твой сладкий запах ощутив,
 шмели проснутся, пчелы —
Начнут над медом губ твоих
 свой хоровод веселый!

С утра шел дождь из тяжелой тучи,
и днем, как в полночь, было темно,
Почудилось мне, что ночь наступила
и с милым встретиться суждено.

В меня будто демон упрямый вселился:
к чему я стремилась — произошло,
Лишь темное облако нас от позора
в тот миг укрыло и сберегло.

Тебе рассказала бы все, но боюсь я,
что станешь, подруга, бранить меня, —
И впрямь был поступок мой безрассудней,
чем кража слона среди бела дня!

Но в этом не ты ли сама виновата,
что я потеряла и разум, и стыд, —
Да кто ж это встретиться в самый полдень
с возлюбленным тайным своим решит?

Ему ты сказала: «Не зря так жаждешь
душистым этим цветком владеть,
Кто дольше живет, тот и больше сможет
в любовных радостях преуспеть!..»

И эту лукавую речь услышав,
потупилась я, задрожав, застыдясь:
Впервые такое со мной случилось —
любви среди бела дня отдалась!

Он моей красотой
 восхищаться так пылко готов,
Что цветет мое тело
 от этих восторженных слов.

А от слез этой радости,
 как под весенним дождем,
Сколько свежих побегов
 рождается в сердце моем!

Я властителя Матхуры
 встретила ночью во сне.
И стыжусь, вспоминая
 о ласках, приснившихся мне.

Край атласного сари
 схватил он — меня удержал,
От волненья раздвинулись
 складки цветных покрывал.

Я прикрыла верхи
моих груди́й, огнем налитых,
Но ведь в лотосах робких
не спрятать холмов золотых!

Приветливо с друзьями говоря,
а сплетниц и завистниц избегая,
Гирлянду из жасмина на себя
ты, веселясь, надела, дорогая.

Как были радостны твои шаги,
а взоры — и быстры, и вороваты,
Когда, подруг беспечных обманув,
среди бела дня к любовнику пошла ты.

Хоть и пугаюсь дерзости твоей,
но все равно хочу тебе помочь я, —
Любовным играм предаваться днем
куда приятней, чем встречаться ночью.

Ну что за радость, если все вокруг
темно и мрачно, как на дне колодца,
Душа дрожит от страха, словно вор,
когда он к дому ошупью крадется.

Жила бы ты на Ланке золотой,
 пленила бы и Равану-злодея,
Так сколь счастливым должен быть герой,
 такой подругой сладостной владея!

Черных прядей завеса лицо луноликой закрыла,
Словно в тучах густых потонуло ночное светило.

С юной шеи свисают, качаясь, ряды ожерелий,
Будто сам Камадэва уселся, смеясь, на качели.

Догадалась подруга: на ложе, увитом цветами,
Захотелось любимому с ней поменяться местами.

И на бедра горячие сев молодому герою,
Начала наслаждаться красавица новой игрою.

На гирлянде ее — колокольчиков крохотных пенье
Славит бога любви, распалает в душе нетерпенье.

На уста его смотрит она и целует их смело, —
Даже грозное сердце смягчают цветочные стрелы!

Уста обожженные стали черны —
сурьмы на темных глазах черней.
Глаза воспаленные стали красны —
зари на нежных устах красней.

Я так ей сказала: «Не прячь лица
под складками шелковых покрывал!
Смешные уловки, — мне ли не знать,
кто ночью тебя ласкал-целовал!..»

О Мадхава, лишь об одном прошу:
к любимой своей поскорей вернись —
В укромное место, где так горячо
любви этой ночью вы предались.

Ну что же еще я могла бы о ней —
о счастье ее небывалом сказать?
Во всем нашем Гокуле наверняка
такой счастливницы не сыскать!

Не пойду на свиданье — любовь потеряю,
а пойду — потеряю семью!
И в тревоге мечусь, как слониха в трясине,
проклиная беспечность мою.

Я несчастная женщина, я заблудилась,
изнываю от горькой тоски,
Замираю — подобно пугливой косуле
у тропы, где таятся стрелки.

Как в насмешку, луна, будто злая врагиня,
поднялась у меня на пути,
Небеса залила серебристым сверканьем —
не дает мне украдкой пройти.

Я отправилась в путь, на свиданье надеясь,
темнота мне хотела помочь,
Бог любви в эту ночь нам сулил единенье,
но пришла полнолунная ночь.

Прочь, луна! Для чего ты висишь в поднебесье,
золотой соблазнительный плод?
Кто тебя уберет с этой тайной тропинки,
что в объятия Кришны ведет?

Из объятий ее выпускать не спеши,
повредить это нежное тело не бойся:
Хоть и гнется цветок под тяжелым шмелем,
все равно не сломается, не беспокойся.

И не слушай молений пугливых ее,
и не верь, если шепчет: «Не надо, не надо!..»
А иначе скорее наступит рассвет,
чем добыта желанная будет награда.

Пусть измучатся губы — целуй без конца,
в ней ответные волны любви пробуждая.
Как чудесно, когда разгорается страсть
постепенно, как в небе луна молодая!

Ты любишь утром жизни —
 золотыми ее годами,
Ты гордишься высокой грудью —
 наливными ее плодами.

И любой из юношей пылких
 оценил бы их вкус и спелость,
Если б ты от всех не таилась,
 поборола свою несмелость.

О красавица, со вниманьем
 эти выслушай наставленья:
Минет молодость — не вернется,
 нам оставит лишь сожаленья.

Я ведь тоже была красивой,
 я ведь тоже была моложе,
Ожиданья, мечты, надежды
 и меня волновали тоже.

Знай, красавица: счастье длится,
 прелесть юности не скудеет,
Лишь покуда ее богатством
 повелитель любви владеет.

Но пройдут молодые годы,
 в волоса закрадется проседь, —
Поспешит тебя Камадэва
 ради новых красавиц бросить.

Говорит Видьяпати мудрый:
 взять красавиц хоть тысяч десять —
Красоту твоих спелых грудей
 их красотой не уравновесить.

Но пройдут года — и увянешь,
 постареют твои подружки, —
Станет жизнь пустой и никчемной,
 как слова болтливой пастушки.

Р а д х а

Над цветущими рощами зовы кукушек слышны,
Всюду пчелы гудят — это сладкие звуки весны.

Услыхав эти звуки, почуяв лесной аромат,
От весенней тревоги слоны в отдаленье трубят.

Что же ты помрачнел? И не стыдно тебе, что душой
От меня устремился ты в край отдаленный, чужой?

Ах, наверно, недаром луна из-за рощи взошла, —
Скольким женам покинутым гибель она принесла!..

К р и ш н а

Не сердись, о красавица, несправедлив твой упрек,
Разве время сейчас для печалей, сомнений, тревог?

Ты — прекрасна, свежа, а весенняя ночь хороша,
Так зачем беспричинной тоскою томится душа?

Ты, как лотос, нежна, что от бури еще не страдал,
Ароматом тебя овевают жасмин и сандал,

И от них твое тело становится лишь горячей —
Даже бусы из перлов нагрелись на шее твоей.

Я осыпал цветами твое изголовье и грудь,
Ты устало смежила глаза, но не можешь уснуть.

Растрепалась прическа, измяты одежды твои, —
Помни Говинду, помни мгновения нашей любви!

«Крепки его объятия, неутомим мой милый, —
Лиану ветви мощные сжимают с грозной силой.

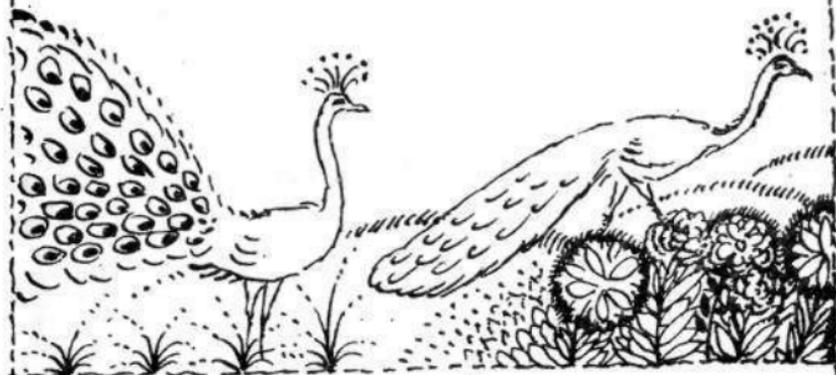
Измучилась я, жалуюсь, меня к дремоте клонит,
А он коня любовного все беспощадней гонит.

Как пчелы наслаждаются, нектаром упиваясь,
Уста мои горящие он пьет, не отрываясь.

Полны цветов бесчисленных и роща, и долина,
Но жаждет шмель неистовый лишь моего жасмина!..»

Вот так поэт Видьяпати ведет рассказ правдивый
Об играх Кришны пылкою с возлюбленной счастливой.

Песни
о первых
размолвках

Слова его страстные слаще нектара сочтя,
Поверив, что милый доверчив и добр, как дитя,

Решив, что созвездия благоприятны для нас,
На место свиданья пришла я в полуночный час.

Нет слов и нет сил рассказать, что случилось потом,
Тебе лишь одной я согласна признаться во всем:

Когда я разделась, когда он светильник задул,
Зевнул мой любимый — и через мгновенье уснул.

Ужели, подруга, так быстро угас его пыл —
За что он меня равнодушьем своим оскорбил?

И как мое сердце, гудя, будто вспыхивый гром,
Еще не порвалось, пронзенное жгучим стыдом?

Разжечь для любви не смогла я мое божество,
Дразнящими пальцами тщетно ласкала его, —

Глаза он ладонью прикрыл и забылся опять,
А я рассердилась — не стала его пробуждать.

«В селенье родичей полно, да и дурных людей,
Уж за полночь, — пока темно, расстанемся скорей.

Домой вернуться я спешу — пусти меня, оставь,
Ведь мне Ямуну пересечь еще придется сплавь.

Ты будешь страстно ждать меня на этом берегу,
А на другом — родной семьи позором стать могу.

Но верю: истинно любить способен только тот,
Кто ради радости любви все горести снесет.

О Мадхава! Ослабь кольцо своих могучих рук,
Не то, вернувшись, обо всем узнает мой супруг.

О стыд и горе, ссоры с ним тогда не избежать,
Да и посмешищем боюсь в глазах соседей стать.

Ты добр, ты просьбою моей не смеешь пренебречь —
Не только честь мою спасти, но и свою сберечь.

Не надо мрачным быть таким, сердиться, упрекать,
Пусть расставаться тяжело — мы встретимся опять.

Для многих юношей и дев пришла пора весны,—
И много молодых мужчин в красавиц влюблены.

Но тот, кто мудр и прозорлив, сумеет разглядеть,
Где золото, где серебро, а где простая медь!» —

Так луноликая рекла — и торопливо прочь пошла.

Чистый сахар сперва в молоке растворили святом
И с чистейшею амритой перемешали потом, —

Так был создан твой лик. Но скажи: почему, почему
Струи влаги соленой стекают теперь по нему?

Что с тобой, о подруга? Ужели мой жребий таков,
Что поверишь бессовестным выдумкам клеветников?

Пусть мы в разных телах обитаем — не наша вина,
Но душа у тебя и меня оказалась одна!

Даже если ты в гневе — посланье суровое шлешь,
Резких слов не пиши, лучше сразу письмо уничтожь.

Что сказать? Твоему только лику подобен твой лик!
Разве есть на луне этой влаги соленой родник?

Как он блещет, когда ты бросаешь разгневанный взор,
Ни пред кем ты не ведаешь страха — от моря до гор.

На луне были пятна оставлены лишь для того,
Чтоб ее отличать от блистанья лица твоего!

Незрячий, прежде чем шагнуть,
нащупывает путь,
А я о том, что ждет меня,
не думала ничуть.

И вот плоды: мою любовь
не больше ценишь ты,
Чем старый глиняный кувшин,
заброшенный в кусты.

Я верила, что страсть твоя
не ведает конца,
Что вечен будет наш союз,
связующий сердца.

О Кришна, место я нашла
для наших тайных встреч,
Но тайну эту, милый друг,
ты не сумел сберечь.

Зачем беседы обо мне
ты с каждым встречным вел?
Теперь и до дурных людей,
наверно, слух дошел.

Боюсь, опасная игра
не кончится добром, —
Ах, звонче злые языки,
чем барабанный гром!

Хочу коснуться губ ее губами —
 она склоняет вниз свое лицо,
Хочу обнять прельстительное тело —
 она ломает рук моих кольцо.

Спешит плотнее запахнуть одежду,
 как будто заподозрила обман,
А у самой от затаенной страсти
 трепещут бедра, вздрагивает стан.

Она двумя ладонями прикрыла
 бутоны груди, словно от беды,
Прижав с такою силой, что краснеют
 их нежные, упругие плоды.

И как бы ни был ловок и настойчив,
 лукав и смел любовник молодой,
Легко ли побороть ее стыдливость —
 упиться вновь любовною игрой?

Хочу на гладкой коже этих грудей
оставить я следы моих ногтей,
Но выгибается, как юный месяц,
сердитая дуга ее бровей.

Гляжу в лицо ей жадно и упрямо,
а сердце хочет горячо просить:
«Не надо больше в облаках одежды
блистанье красоты своей таить!»

Пылала все ярче любовь —
и вдруг ее сладость ушла,
Сурьма растворилась в слезах,
с ресниц по щеке потекла.

Безжизненно тело мое —
владеют им боль и тоска.
Я вижу: бывает любовь,
как тыква гнилая, горька.

Не спрашивай, как я могла
в объятья чужому попасть:
Случайно я встретилась с ним,
случайно зажглась эта страсть.

Боюсь я, что тайна моя
вот-вот приоткрыться должна,
И жжет меня совесть, болит,
как будто шипом пронзена.

Кукушка в лесу запоет —
и вновь я в тоске и огне...
О Хари, зачем все сильней
костер распаляешь во мне?

С ним на ковер цветов ты не легла покорно,
А как легла, так стала слезы лить, —
Той, что ведет себя так непослушно, вздорно,
К лицу ли друга милого бранить?

Ах, Радха, честной будь — признай себя виновной,
Поток любви течь не заставишь вспять.
Не ест, не пьет твой друг, томясь тоской любовной,
Да и тебя совсем нельзя узнать!

На каждый мой совет ты возражаешь злобно,
А ведь не знаешь многих тайн любви, —
Так выслушай меня, коль слушать ты способна:
Вернется милый — только позови.

Устрою встречу вам, а ты сдержи свой норов,
Но и подать надежду не спеши:
Лишь после пылких просьб и долгих уговоров
Ему в ответ хоть что-нибудь скажи.

Два, три, четыре дня — и то, что еле тлеет,
С былою силой разгорится вновь.
Знай: только та мудра, что до конца сумеет
Сберечь святыню — первую любовь.

Луна в небесах красуется,
 усыпан звездами свод,
Лучистое солнце над рощами
 у всех на глазах встает.

Шумеру — гора из золота —
 но сдвинется ни на пядь.
Но кто мне сумеет что-нибудь
 из этих чудес достать?

Ах, если и малой звездочки
 похитить с небес нельзя,
Не смей попадаться, Мадхава,
 отныне мне на глаза.

Что толку взирать восторженно
 на сто плодов золотых,
Когда ни взять, ни попробовать
 нельзя ни один из них?

И много ль получишь радости,
услышав рассказ о том,
Кто море ладонью вычерпал
и выпил одним глотком;

Кто всех — и богов, и демонов —
сумел в бою победить,
Кто может по морю бурному,
как по земле, ходить?..

Но ловок язык у сводницы —
хвалить свой товар горазд:
Ловкачка дороже яхонта
бульжник простой продаст!

Послушай, Радха, я скажу
 правдиво, откровенно:
Ты с другом слишком холодна,
 сурова и надменна.

За что ты мучаешь его?
 А он, томясь любовью,
Всю ночь печальное чело
 не клонит к изголовью.

Не притворяйся! Разве ты
 не знала, сколько муки
Ему доставят эти дни
 размолвки и разлуки?

Страдает Кришна без тебя,
 тоскует, изнывает —
Мечтает о тебе одной,
 к тебе одной вызывает.

Едва тебя хоть что-нибудь
ему на миг напомнит,
Страданий жгучая роса
глаза его наполнит.

Весь день бесцельно бродит он —
и даже не стыдится,
Когда, глаза и смеясь,
народ кругом толпится.

Носить гирлянду перестал,
нечесан, мрачен ходит,
Несчастный, о тебе одной
со всеми речь заводит.

Чем больше воду черпаешь, тем чище водоем,
Чем благородней юноша, тем слаще быть вдвоем.

Поет кукушка сладостно, найдя тенистый лес,
Кричит лягушка радостно, почуяв дождь с небес.

Не хмурься же, красавица, с утра до темноты, —
Пора понять: в случившемся сама виновна ты.

Полгода, год ли тянется счастливая любовь,
Мужчина будет требовать объятий вновь и вновь.

Придя на встречу тайную полночною порой,
Не сможешь ты отделаться лишь милой болтовней.

Вот мой совет, душа моя: довольно хмурой быть,
Раскрой объятия Мадхаве — и страсть его насыть.

Пока с тобой говорит любовник
с улыбкой приветливой и сердечной,
Полны вы и нежности, и доверья,
и страсти, и радости бесконечной.

А если речь любовника станет
холодной, резкой, нетерпеливой,
Исчезнет нежность, умрет доверье,
и больше не ждите любви счастливой.

Но что сказать о тебе и Кришне?
За вами я с первых дней наблюдала:
Поистине случай ваш необычен —
такой я ни разу любви не видала!

Ведь Кришну, как душу свою вторую,
ты любишь пылко, глубоко, верно,
Зачем же с ним говоришь так дерзко,
зачем так держишься высокомерно?

Любимому сердцу ты боль причиняешь,—
что, кроме любви, эту боль излечит?
И кто устоит перед нежной властью
певучей, ласковой женской речи?

Пойми, до беды доведет упрямство, —
давно я об этом предупреждаю.
Что стоит два ласковых слова молвить,
их нежной улыбкой сопровождая?

Зачем, своего властелина встречая,
становишься ты холодней, надменной,
Не угождаешь его желаньям,
не даришь пламенных наслаждений?

А если узнают недобрые люди
о том, что стало с вашей любовью?
Подумай, милая, сколько пищи
ты дашь их радостному злословью!

Лжецов и хитрецов не счесть,
однако видеть мы привыкли,
Что люди верят злым речам,
пока в их суть еще не вникли.
Должны мы в жизни поступать,
как разум нам повелевает, —
Когда светильник не горит,
во тьме жилище пребывает.

О Радха, будь нежнее с ним,
учтивостью его порадуй,
Оплошность каждую твою
заметит сразу он с досадой.

О мудрый Мадхава, взгляни:
она умна, чиста, прекрасна,
А если хмурится порой,
стерпи и не гневись напрасно.

Не забывай, встречаясь с ней,
любви старинные законы, —
Что пользы подкосить росток,
едва-едва на свет рожденный?

С той поры, как на тайную встречу тебя привела я,
Стала вчетверо ярче твоя красота молодая.

Но, узнав, как любовный союз ненадежен и хрупок,
Ты теперь сгоряча проклинать начала свой поступок?

Слушай, Радха моя, — на тебя удивляюсь я, право:
Не стыдишься ничуть своего ты несносного нрава.

Если зеркала нет, чтоб узреть себя в истинном свете,
На глаза свои глянь, отраженные в гладком браслете.

Переменчив мужчина: едва утолясь наслажденьем,
Устремиться готов он по всем десяти направленьям.

Брось надежду свою, что тебя в заблуждение вводит,
Как бы путник ни жаждал, колодец к нему не приходит.

Если первую явишься, слишком не будешь гордиться,
Честь и слава тебе, новой встречею вам насладиться.

Если ж ныне прослыть добродетельней всех захотела,
Чем ты сможешь отныне порадовать душу и тело?

Чем больше в тигле раскаляешь золото,
 тем блеск его и ярче и светлей.
Чем вспыльчивей становится возлюбленный,
 тем страсть его и жарче и смелей.

Не гневайся, не мучь себя, красавица,
 к чему упреки горькие твои?
Что сгоряча тебе ни говорил бы он,
 в душе обиды жгучей не таи.

Иль никогда он не бывал беспомощным,
 иль не поклялся вечно быть твоим?
Ведь он — не дух бесплотный, не видение,
 не змей, что сыт лишь воздухом одним.

«Струятся слезы из померкших глаз —
текут, текут прозрачною рекою,
И на краю печальной той реки
лежит она, сраженная тоскою.

Так мысли перепутались ее,
что явь от снов уже не отличает,
Ее мы вопрошаем об одном —
она совсем иное отвечает.

О Мадхава, — поссорившись с тобой,
она горит и сохнет от страданья,
Похожа сделалась на лунный серп
за три-четыре дня до угасанья.

Одни подруги равнодушно ждут,
когда ее терзанье прекратится,
Другие, увидав ее в слезах,
готовы головой о землю биться.

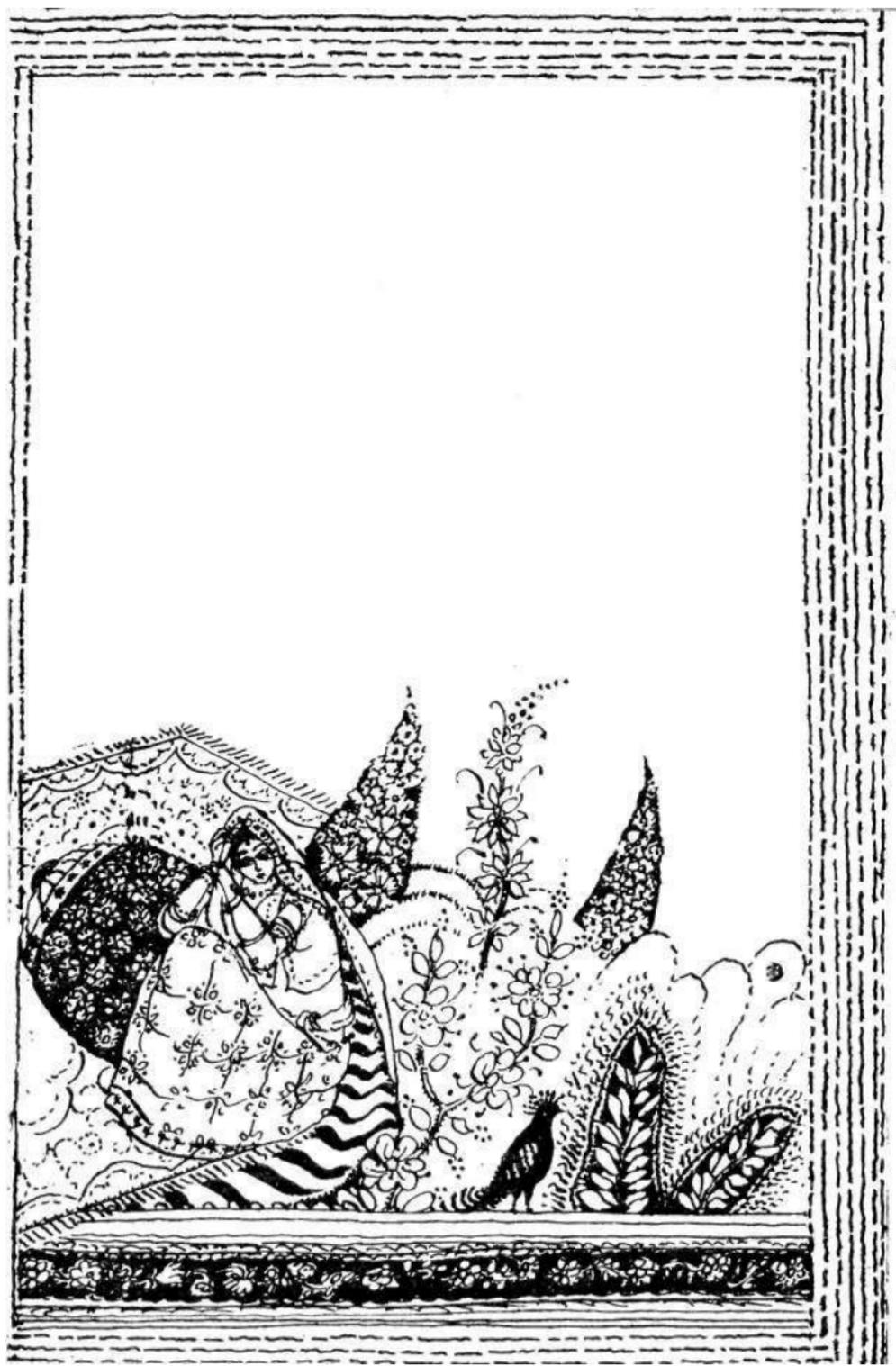
Не жить ей без тебя, — и сообща
решили мы: ты должен знать об этом,
Но я вечерней тьмы не дождалась
и прибежала за твоим ответом!» —

Так лучшая из молодых подруг
ему, дрожа, шептала еле слышно,
И, лук охотничий держа в руках,
взволнованно внимал могучий Кришна.

Зажглась, воскресла прежняя любовь,
и, уступая жаркому желанью,
Легко и радостно шагнул герой,
спеша навстречу новому свиданью.

Песни
о нежданной
разлуке

«Власть любви — я забыла
о ней в простодушье своем:
Мне казалось, с любимым
останусь навеки вдвоем.

А любимый ушел —
и не знаю, на много ли дней,
Но живет в моем сердце,
и сердце болит все сильнеей.

Он ушел так неожиданно —
ушел, не сказав ничего,
А ведь душу отдать
я готова была за него!

Я понять не могла,
я звала, умоляла — вернись!
Он ушел, о подруга, —
и дни моих мук начались.

Обещал мой любимый, что ночью весенней
возвратится знакомой тропой,

Обещал, что опять будет ночь наслаждений,
обещал — и простился со мной.

Дни весны наступили, — высоко и звонко
распевает кукушка в лесу.

Где же друг дорогой? Нарушать обещанье
благородным мужам не к лицу.

Вот и час наступил, — не явился желанный,
да куда же он мог запропасть?

Вот и срок миновал, — до сих пор утоленья
не нашла моя тайная страсть.

Для меня будто с запада солнце восходит...
Блеск луны заливает мой сад...

О как манго цветет! О как жадно и сладко
под деревьями пчелы жужжат!

Поутру со всех лесных опушек
 долетают голоса кукушек,
Так и вьются, обезумев, пчелы,
 не смолкает кваканье лягушек.

Кроны манго зелень обновили
 и покрылись свежими цветами,
Будто их бесчисленные руки
 машут ярко-белыми флажками.

Если в сердце спрятано богатство,
 кто о красоте его узнает?
Бог любви, бездельник и бродяга,
 гордость дев надменных разбивает.

Что тебе скажу, моя подруга?
 В сердце — будто горькая утрата.
Наказать меня задумал Кама,
 а ведь я ни в чем не виновата.

Пять душистых стрел своих достал он,
наложил на тетиву тугую, —
Знаю: не убьет меня, но в сердце
боль тоски еще острее почую.

Кто назвал весенний южный ветер
приносящим счастье и удачу?
Убедилась я в его коварстве, —
чуть повеет, то смеюсь, то плачу.

Ветки он цветущие качает,
и пыльца взлетает, словно пламя,
Чтобы мучить девушек влюбленных,
разлученных с милыми дружками.

На этом ложе каждый день рассыпаны цветы,—
Ждет нежноликая твоя: вот-вот вернешься ты.

Где ты проводишь дни весны, сказать я не берусь,
А люди спрашивать начнут — им отвечать стыжусь.

О Кришна, светлую судьбу не должно омрачать!
На ложе вянут лепестки — ты не пришел опять.

Под райской сенью провела дни юности она,
Под ядовитым деревом жить теперь принуждена.

Давно ль весенний ветерок ей радости дарил?
Теперь его душистый вздох ее лишает сил.

А зов кукушки долетит из ближнего леса —
И разрывают сердце ей тревога и тоска.

Попадись мне творец, я б связала его
и в колодец глубокий столкнула с досады!
Если женщину он красотой наделил,
дать впридачу и мужа достойного надо.

Стала юность врагиней смертельной моей,
стало тяжелой обузой прекрасное тело, —
Пусть кому-то желанна моя красота,
а меня она, видно, сгубить захотела.

Ах, подруга, не спрашивай, как я живу, —
не торопится милый ко мне возвратиться.
Чует сердце мое: в чужедальнем краю
он сегодня другою пленен чаровницей.

То в жар ее мучительный бросает,
то снова лихорадит и знобит.
Как быть? Какое снадобье назначить?
Посмотришь на нее — душа скорбит.

Ей в тягость ожерелья и браслеты,
и в волосы не вплетены цветы,
Лишь телом золотым она владеет —
бесценным воплощеньем красоты.

Она шепнула мне: «Скажи, подруга,
скажи скорей, мне нужно точно знать:
О чем достойной женщине не стыдно
любимому в посланье написать?..»

Что ей скажу, когда не отличает
от холода сандала — жар огня?
Весь день в тоске взирает на дорогу,
всю ночь не спит, судьбу свою кляня.

Ее лицо красу луны затмило,
вот и сердита на нее луна.
Ах, наша Радха бедная, — кто знает,
какая боль еще ей суждена?

Ко мне она с рыданиями склонилась,
и голос был прерывистым от слез,
И в девять слов посланье начертала,
чтоб странник в дальний край его унес.

Лишь девять слов она послала Кришне,
но в них вложила всю тоску свою,
А что написано в ее посланье —
о том в другое время вам спою.

Не изнурай себя тоской,
 не мучься беспричинно, —
Шмель все равно не проживет
 без нежного жасмина.

Не говори: всему конец,
 любовь мертвее пепла, —
Довольно встречи хоть одной,
 чтоб снова страсть окрепла.

О Радха, веры не теряй,
 лишь наберись терпенья:
К тебе вернется милый твой,
 вернется, нет сомненья.

Несносны злые языки —
 глумятся над любовью,
Но не гневись: недолго жить
 их жалкому злословью.

О помощи, почтенный странник, мне:
 возлюбленный сейчас в краях далеких,
Быть может, веселится день и ночь
 в кругу других красавиц чернооких.

Я упрекать не стану — лишь бы к нам
 вернулся он здоровым, невредимым,
Но он с собою жизнь мою унес —
 погибну я, разлучена с любимым!

О добрый странник, об одном молю:
 найди его — вручи мое посланье,
Скажи: проходит молодость моя
 в тоске, в слезах, в бесплодном ожиданье.

И если вскоре не вернется он,
 счастливых дней я больше ждать не стану:
Прочь прогоню владычицу-весну,
 от горьких мук безвременно увяну!

Скажи ему: не вечно длится жизнь,
скудеет пламя в каждом человеке,
Недолго ждать и нам, — настанет час,
когда уже не встретимся вовеки.

Скажи: не пробуй время удержать —
не остановишь ты воды бегучей,
А ведь любовь, как дар, теряет смысл,
когда упущен подходящий случай.

А если самого себя понять
не может он — пусть к мудрым обратится.
О помощи, почтенный странник, мне —
клянусь я за тебя всю жизнь молиться!

Творец — искуснейший гончар,
дивлюсь я на его дела:
Две хрупких чаши сделал он
из драгоценного стекла.

Придал им форму двух плодов,
упругих, соком налитых,
И эти чаши из стекла
вложил в две чаши золотых.

Нет слов, чтоб описать красу
ее пленительной груди,
А если ты не веришь мне,
к ней сам приди и погляди.

Глаза, как лотосы, цветут,
но с каждым днем бледней она,
Как будто на ее лице
печаль луны отражена.

На заблудившуюся лань
тревожный взор ее похож:
Весь день глядит она в тоске
на путь, которым ты придешь.

Можно ль пламенем сжечь
ненавистную глубь океана,
Где луна обитает —
источник тоски и обмана?

Бог любви никогда
не желает ни медлить, ни ждать, —
И не верьте тому,
кто иное бы стал утверждать.

Лишь глупцы говорят,
что красавица с милым в разлуке
Продолжает цвести,
а не сохнет от горя и муки.

Вот настал, вот истек
пашей встречи условленный срок, —
Как случилось, что милый
сдержать обещанье не смог?

Путь к мужчине тернист, —
но ведь тысячи женщин согласны
В жертву жизнь принести
ради этой тропинки опасной.

Будто птицы чакоры,
что ждут появленья луны,
На дорогу недвижно
глаза мои устремлены.

Скоро ль милый вернется?
Молчу я в тоске неотступной,
Только падают слезы
росою прозрачной и крупной.

С опустелой тропы
не свожу я измученных глаз:
Позабыл мой любимый
свиданья назначенный час!

Поблекшие щеки я локонами убрала,
Набрякшие веки густою сурьмой подвела.

В прическе цветы, но цветами не скрыть седины,
Увы, на страдалице все украшенья смешны.

Где юность моя — улетела в какие края?
С тоскою гляжу, как весна увядает моя.

Вчера еще пышные, груди обвисли мои,
И плечи поникли, и горестны мысли мои.

Я сломанный лотос, я сохну, тускнеет мой лик,
Безумец Ананга меня, словно буря, настиг.

Тихо слезы струятся к ее ногам,
на песке оставляя следы,
Словно лотосы, росшие на земле,
начинают расти из воды.

Помертвелые губы уже не красны,
не свежи, как в былые дни —
Будто стужей прихваченные ростки,
побледнели и сжались они.

Рождены любовью к тебе, к тебе,
слезы катятся все щедрей,
И стоит луноликая, оцепенев —
жизнь как будто застыла в ней.

Дорожит своим словом мужчина,
 как женщина — честью,
Почему ж от тебя так давно
 не приходят известья?

Если друг на чужбине —
 и весточки даже не шлет,
Чем подруга утешится
 в этот безрадостный год?

Где ты, Кришна? Все чаще
 посланья она отправляет:
Обещанье сдержать —
 возвратиться скорей умоляет.

Манго в роще цветет,
 и кукушка немолчно поет,
И все громче жужжание пчел,
 собирающих мед.

Как же ей пережить
эти ночи тревоги весенней, —
Без тебя она с жизнью
расстанется, нет ей спасенья!

Вянут спелые груди,
все тоньше она, все бледней,
Слезы льет непрестанно, —
не знаю, что станется с ней...

В океане разлуки любовь —
как ладья золотая,
Кама — кормчий святой:
на него одного уповаю!

Из глаз роса струится непрерывно,
ей щеки ручейками бороздя,—
А кто остаться может равнодушным
при виде капель первого дождя?

Над грудями лицо ее склонилось,
как над горами — бледная луна,
Когда, страшась прожорливого Раху,
за край Шумеру прячется она.

Что расскажу о дорогой подруге —
о той, что всех счастливее была,
Смогу ли описать вам состоянье,
в каком ее сегодня я нашла?

О как внезапно все преобразилось,
едва пришла весенняя пора:
В яд превратился аромат сандала,
прохладный ветер — в языки костра.

Весной луна пылает жарче солнца,
весною гибнут тысячи сердец,
Когда втроем луна, сандал и ветер
решают одурманить их вконец.

От мук, что насылает Камадэва,
нет снадобий — недуг неизлечим:
Не в силах Радха больше ни мгновенья
прожить в разлуке с другом дорогим.

И если б даже амриту святую
из рук богов сейчас она пила,
Ей без тебя, неотразимый Кришна,
жизнь все равно была бы не мила!

Сандаловую мазь достав,
что снега холодней и чище,
Все тело я растерла ей,
увядшее без сна и пищи.
Весь день пытаюсь я помочь,
а ей становится все хуже,
Ведь злой недуг ее — внутри,
а мазь целебная — снаружи.
О Кришна, выслушай меня:
ужель в беде ее оставишь?
Вернись, к страдальце явись,
ее спасешь — себя прославишь!
Отчаясь вновь тебя узреть,
изверясь в долгожданной встрече,
Она в беспомощности лежит —
лишилась разума и речи.
Уже до горла поднялась
ее душа, — спешి помочь ей!
Спеши!.. Светильник золотой
погаснуть может этой ночью.

Песни

О новых
встречах

Я сидела, плела гирлянду,
я сидела совсем одна,
Соскользнула с плеча одежда —
грудь дремала, обнажена.

Оглянулась, — стоит у входа
милый друг, долгожданный друг,
Не успела прикрыть я груди —
складки сари ослабли вдруг.

Как вошел он, взглянул, подруга, —
я от счастья лишилась сил,
Хорошо еще, что любимый
поддержать мою честь решил, —

Потому что уж слишком явной
страсть моя в этот миг была,
Обуздать запыхавшее тело
я пыталась — и не могла.

Грудь чуткие содрогались —
их ладонями сжала я,
И мучительно изгибалась
распаленная плоть моя.

Будто слились в одно желанье
все желанья, все мечты,
Будто вдруг на иссохших ветках
запылали огнем цветы!

В дни долгой разлуки жила я мечтою одной:
Дождаться бы Кришны — дождаться любой ценой!

И тайным желаниям внял благосклонный творец:
Вернулся любимый — явился ко мне наконец.

Ко мне, о подруга, вошел он, улыбкой светясь,
И вспыхнуло сердце: мечта моей жизни сбылась!

Вошел он — и глянул в лицо, и уже через миг
Объятья сомкнул и к губам моим жарко приник.

Узрел мои груди высокие — стал их ласкать,
Рукой торопливою сари на мне распускать.

А я обмирала, от счастья любви чуть жива,
Пока он шептал мне сладчайшие в мире слова.

Светлей луны твое лицо, —
и, словно мрак осенний,
В твоём сиянье гибнет мгла
разлуки и сомнений.

Как встреча радостна с тобой!
Пришло вознагражденье
За лучшее, что сделал я
в прошедшем воплощенье.

Взгляни — и выслушай меня,
приподними ресницы:
Ах, не стыдись и не дичись —
дай счастьем насладиться!

О полный свежести жасмин, —
мы встретились недаром:
Дозволь голодному шмелю
насытиться нектаром.

К тебе явился гостем я,
Весна — царица года,
Будь щедрой, ждет твоих чудес
воскресшая природа.

Творец, соединивший нас,
все рассчитал и взвесил:
С прекраснейшей из жен земных
мой дух могуч и весел.

Сидела я совсем одна
 в пустом своем дому,
Гляжу — идет неожиданный гость
 к порогу моему.

Вернулся он из дальних стран!
 А только в дом вошел —
Ударил гром, и хлынул дождь,
 отвесен и тяжел.

Что будет, если видел нас
 болтливый мой сосед, —
Об этой встрече в тот же час
 узнает целый свет!

Стемнело в доме, ливень лил,
 день превратился в ночь,
А я — что сделать я могла?
 Не гнать же гостя прочь.

Как оправдаюсь я теперь?
 Что скажут обо мне,
Узнав, что с ним я допоздна
 была наедине?

А как мы переждали дождь,
 что делали вдвоем,
Спросите Каму — лишь ему
 известно обо всем.

Я совсем молода,
а супруг мой в неведомых странах,
Домик наш в стороне —
тут гостей не бывает незваных.

В доме нету мужчин,
а старухи — свекровь и золовки, —
Будто курицы, слепы,
к тому же глупы и неловки.

Ты с дороги устал, —
так останься под кровлей моею,
Чтобы в темную ночь
по пути не попасться злодею.

А у нас благодать, —
много лет не случаются кражи,
Лишь во сне свой обход
совершают ленивые стражи.

Не суров наш закон,
 уважаема наша родня,
И правитель не строг, —
 о любимый, ночуй у меня!

Распущены косы — их темные пряди
нависли, скрывая лица белизну,
И чудится: черный прожорливый Раху
схватить серебристую хочет луну.

Цветочной гирлянды изгибы тугие
с ее волосами густыми сплелись,
И кажется: светлые волны Ямуны
с тяжелыми струями Ганги слились.

Пленительна соединенная пара:
любимому на спину лечь повелев,
Над ним в упоенье склонилась подруга,
на бедра его распаленные сев.

Росинками пот над бровями сверкает,
хотя и разделась она донага, —
То бог Камадэва, луну прославляя,
бесценные жертвует ей жемчуга.

В горячем порыве над милым склоняясь,
лицо его пылко целует она,
Как будто свои лик над землю склонила
и лотос раскрытый впивает луна.

Касаясь ее нависающих грудей,
блестит ожерелье, качаясь слегка,
И кажется: из наклоненных кувшинов
стекает густая струя молока.

А пояс ее с бубенцами на бедрах
звонит их любовным движениям в лад,
Как будто, победу желанную славя,
бессмертному Мадане песни звучат.

Красны от бессонницы веки твои:
они — как усталые птицы,
Как пара чакоров, упившихся властью
нектаром луны-чаровницы.

Недвижны красивые брови твои,
и все-таки нет в них покоя, —
Владыка любви лишь на миг отложил
свой лук после трудного боя.

О милая Радха, со мной не хитри —
подругу обманывать стыдно:
Уклончивы, сбивчивы речи твои,
но счастье твое — очевидно.

Две груди твоих — наливные плоды,
созревшие в мирных долинах —
Теперь словно две золотые горы
с цветами на острых вершинах.

Небрежно откинута пряди со лба,
и видно по каждой примете:
Добился лукавый владыка любви
сладчайшей победы на свете!

Рассыпались волосы, растрепались,
 глядишь застенчиво, как дикарка,
Лицо от бессонницы тусклым стало,
 а было недавно свежо и ярко.

Склонилась, улыбку стыдливо пряча,
 а груди царапинами покрыты,
Как будто два золотых кувшина
 цветущими веточками обвиты.

Смущенно шепчешь: «Нет-нет, подруга!» —
 а лик — истомленной луны осенней,
Гляжу на тебя — догадаться нетрудно:
 опять провела ты ночь наслаждений.

Узорчатой тканью не как обычно
 обернуты плечи твои и чресла,
Сурьма растеклась, а между бровями
 звезда карминовая исчезла.

Не пробуй скрывать, где была ты ночью, —
твои отговорки смешны и тщетны,
И кто поверит любым уловкам,
когда все признаки так заметны?

Небрежны движенья, рассеянны речи,
полна ты истомы и безучастья, —
Как видно, крепко опутал Кама
тебя своей колдовскою властью.

С трудом ты сдерживаешь зевоту,
и чем-то похож твой вид утомленный
На юного лотоса стебель зеленый,
огнем полуденным опаленный.

Подруга

О не медли, моя лунолика, время не ждет, —
Скоро полночь настанет, луна из-за рощи взойдет.

Станет вдвое светлей — от луны и твоей красоты,
И на берег тогда не пройдешь незамеченной ты.

О красавица с поступью плавною, как у слона,
Торопиться нам надо, покамест не вышла луна.

Тьма редеть начала, — дорогая, давай поспешим,
А иначе забудь о свидании с милым своим!

Радха

О подруга! Меня только ты выручаешь одна,
Помоги — я совсем от лесных ароматов пьяна.

Если люди увидят хоть мельком, хоть издалека,
Что иду на свиданье, — погибла я наверняка!

П о д р у г а

Что с тобой? Вся дрожишь, озираешься ты почему?
О мой лотос, тебя провожать опасуюсь к нему.

Я всегда помогу, но сегодня не в силах помочь,
Ах, недоброе что-то сулит нам с тобой эта ночь!

До рассвета дождь непрерывно льет,
в тьме крошечной злобно гремит гроза,
Низвергается с неба сплошной поток,
зубья молний так и спячат глаза.

Видно, нет надежды на этот раз
ночь с любимым радостно провести:
Даже путник бывалый в такую грозу
не решится по этой тропе пройти.

«Ждет ли милый меня? Как найду его?» —
И, дорогу нащупывая впотьмах,
Под дождем шагает она с трудом,
а в душе — тоска, смятение, страх.

Даже свадебной свитой окружена,
боязливо дрожит молодая жена
На пути от родной и до новой семьи —
до постели, где мужа познать должна.

Как же юной красавице в тьме грозовой
вдоль крутого обрыва идти одной?
А поток ревет — не пробраться вброд,
и гадюки ползут по тропе ночной.

Угрюмая ночь. На дорогах — бродяги,
впотьмах из кустов выползают змеи,
Лишь изредка молния вспыхнет в тучах,
погаснет — и станет еще темнее.

В зловещем мраке — раскаты грома,
дрожу, озираюсь при каждом шаге,
А ты так бесстрашно идешь все дальше,
что изумляюсь твоей отваге.

Скажи, красавица, кто счастливец,
в тебе пробудивший такое желанье,
Что ночью ненастной, тропой опасной
к нему ты отправилась на свиданье?

Ты знаешь, как здесь глубока Ямуна?
Гляжу на волны — гляжу с испугом:
Ужели ты броситься вплавь решишься,
чтоб только встретиться с милым другом?

Пять стрел держащий — с тобою рядом,
и с ним забываешь ты страх и робость,
Мое же так бешено бьется сердце,
как будто скатывается в пропасть.

Чаши груди́ей моих
 он дрожащими гладит руками,
Припадает к губам —
 упивается их лепестками.

Распускается узел одежд
 под напором желанья,
Славят бога любви
 наши пламенные содроганья.

О подруга, мне стыдно,
 не спрашивай больше о Кришне,
Не ждала я такого,
 да будет судьей мне всевышний!

Сладко впился ногтями
 он в груди мои налитые,
А гирлянда его
 вплетена в мои пряди густые.

Ты струистые волосы
 снова в косу заплела,
Этой длинной косой
 чаши груди тугих обвила, —

Будто черная самка-змея,
 изогнувшись кольцом,
В храме Шивы лежит,
 на его алтаре золотом.

Ты пылала, изранена
 стрелами бога любви,
А теперь успокоить
 пытаешься чувства свои.

У измученных глаз
 не просохли полоски от слез,
А на лотосы щек
 ниспадают извивы волос.

Вьются черные пряди,
 скрывая лица белизну, —
То не когти ли демона
 жадно хватают луну?

Объятыя его беспощадны,
 не тронул его мой плач,
Прошу об одном, подруга:
 меня до рассвета спрячь.

С трудом от него спаслась я, —
 взгляни на меня сама:
Порвалось мое ожерелье,
 слиняли кармин и сурьма.

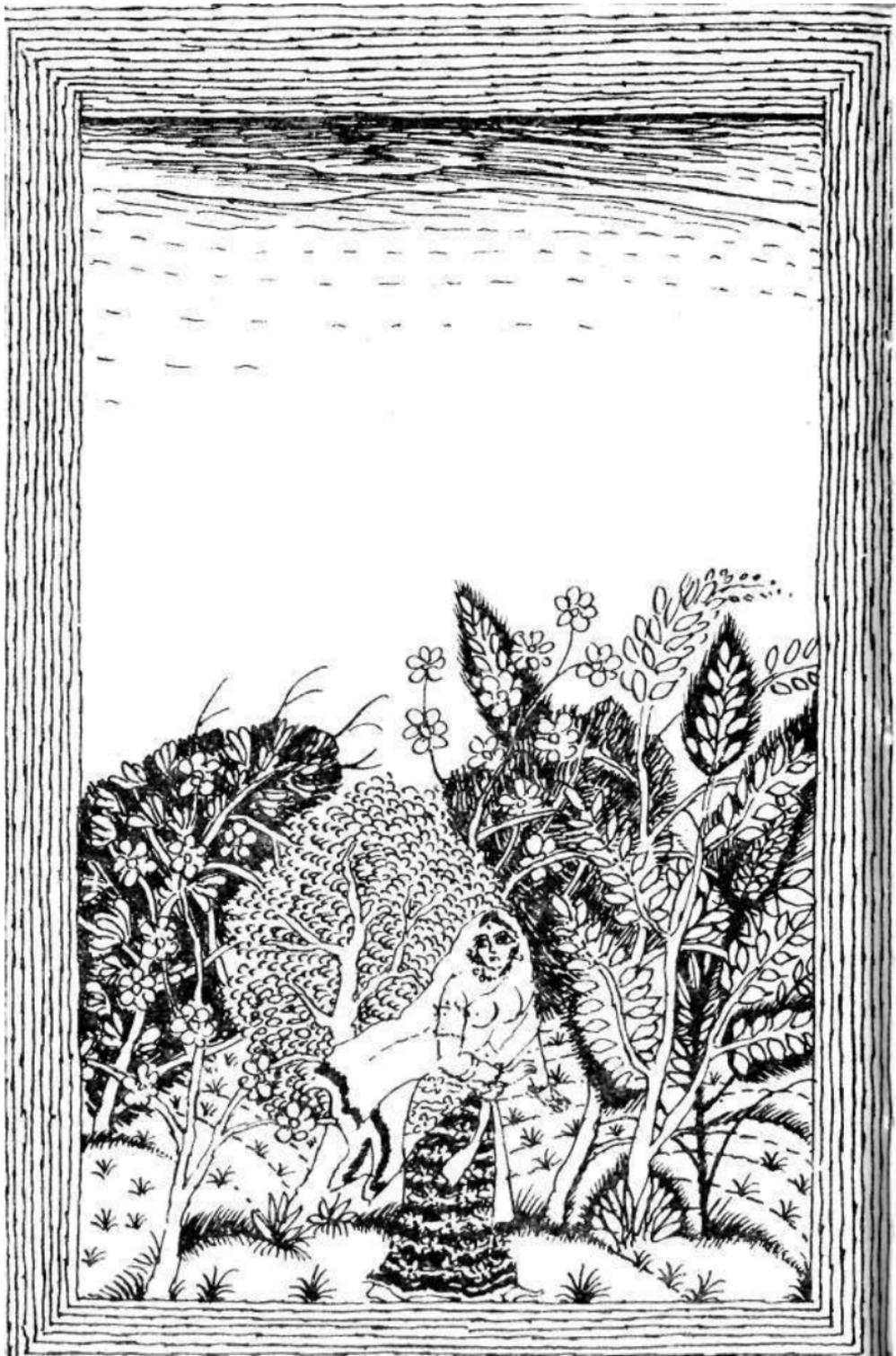
Смотри: мои бедные груди —
 в царапинах от ногтей,
Как если бы на слониху
 набросился тигр-злодей.

В укусах мой рот, я плачу,
 готова я жизнь проклясть,
Подобно луне, попавшей
 к демону злему в пасть.

Песни

о ссорах
и обидах

Пока — стройна и молода —
 перед тобой стою,
Спешишь ты выразить любовь
 и преданность свою.

А стоит удалиться мне,
 меняется твой вид, —
Поддельным золотом и взор,
 и речь твоя блестит!

Властитель Матхуры! Твой прав
 постигла я вполне:
В душе хитришь, а на словах
 в любви клянешься мне.

Улыбки, нежность, похвалы
 и даже страсть твоя —
Одни насмешки да обман,
 как убедилась я.

«Любовь, доверье пробудил —
и вновь надежду погасил,
А бесконечно счастья ждать
ни у кого не хватит сил!

В глазах людей простой пастух
подобен грубому глупцу,
И все же облик пастуха
тебе поистине к лицу.

О Ядунандан, что скажу?
Пусть красота досталась мне,
Тем горше будет жить одной
с отчаяньем наедине.

Я мнила: с тем, кто добр и смел,
любовь, как золото, прочна,
Со мной опять правдивым стань —
иль нам разлука суждена.

Мне даже стыдно продолжать...
К чему былое воскрешать?..
Кто неразумно поступил,
тому и горький плод вкушать?»

А Кришна, голову склоня,
внимал возлюбленной своей —
И становился все грустней,
скорбел душою вместе с ней.

Кто знал, что сердце у тебя
 так дерзко и лукаво, —
С чужой женой к тебе прийти
 имела ли я право?

Достойный — добр, а ты удар
 нанес душе влюбленной
И рану свежую полить
 решил водой соленой.

О Кришна, что тебе скажу?
 Теперь мне ясно стало,
Какой бесценный самоцвет
 с руки я потеряла.

Зачем ты обольстил ее,
 божественный Мурари, —
Она от пылких слов твоих
 поныне как в угаре.

Дикой бурей гонима,
 жестоким дождем грозовым,
Я свернула с дороги,
 под деревом встав вековым.

Но увы, не спаслась я,
 а лишь поплатилась вдвойне:
Сук тяжелый, сломавшись,
 на темя обрушился мне...

Кришна, прочь от меня!
 Наши чувства измерив до дна,
Вижу я: лишь казалась
 бездонною их глубина.

Для чего ты велел,
 чтоб сюда я пришла, — объясни?
Ты меня вынуждаешь
 стыдиться друзей и родни.

Но к чему говорю?

Безразличен тебе мой упрек —
Он как брошенный камень,
упавший в глубокий песок.

Не сердце — алмаз у него в груди,
а голос — нектара сладкие волны.
Поступки его угадать нельзя,
настолько неожиданны и своевольны.

И все, что ни требовал он от меня,
чего ни желал бы при каждой встрече,
С тем, что желало сердце мое,
вступало все чаще в противоречье.

Стыжусь, что на этот порочный путь
с глазами открытыми я ступила, —
Внезапную страстью опьянена,
и честь и достоинство я забыла.

О что же, подруга, еще сказать?
Не избежать позора и бедствий
Тому, кто решился на дерзкий шаг,
совсем не обдумав его последствий.

Коварный как будто таится от всех
в покрытом ветвями темном колодце.
Когда ж будет найден, с каким лицом
ему перед всеми предстать придется?

Теперь-то я знаю: твоя любовь —
не радость души, не напиток сладкий, —
О Кришна, любовь твоя — как силки,
куда попадают куропатки.

У доброго и мысль чиста,
и нерушимо слово,
А злой про каждого готов
наговорить дурного.

Не забывай, что у меня
достоинств есть немало,
Мой род почтенный уважать
тебе бы надлежало.

Ошиблась я, своей любви
позволив разгореться:
Ты недостойно обманул
доверчивое сердце.

Пусть в мире множество цветов,
чей запах будит страсти,
Лишь меда малати вкусив,
пьянеет шмель от счастья.

Сперва надежду подал мне,
теперь небрежны взор и речь, —
В чем колебания твои?
Чью честь пытаешься сберечь?

Я женщина, мой разум слаб,
не стану упрекать, стыдить,
Узнают люди обо всем —
и нас сумеют рассудить.

Как пред наставником своим,
простерлась я у ног твоих,
Отныне безразлично мне:
умру, останусь ли в живых.

Я думала: любовь — нектар,
я выпила ее до дна, —
Кто знает, в смертоносный яд
не превратится ли она?

А что тревожиться тебе?

Еще такого мир не знал,
Чтоб, сахар тростниковый съев,
хоть кто-то зубы поломал.

Прекрасноликая пришла
на место прежних встреч,
Но, видно, встречей в эту ночь
решил ты пренебречь.

Напрасно нежных клятв и ласк
душа ее ждала, —
Ты на свиданье не пришел —
впустую ночь прошла.

О чем ты, Кришна, возомнил,
что слову изменил?
Благоразумно ль поступил,
что благо отклонил?

За что на Радху ты сердит?
Смотри, как ливень льет,
Угрюмы тучи, вся земля —
в потоках пенных вод.

К тебе в потемках шла она
по вымокшей земле
И наступила, заблудясь,
на голову змее!

Наслушался ли милый мой
 наветов злых людей
Иль дивной девою другой
 пленен с недавних дней?

Иль так жесток недобрый рок?
 О, в чем причина, в чем?
Не хочет он и вспоминать
 об имени моем.

Подруга добрая моя,
 скажи мне, дай совет:
Как поступить? Его вернуть
 ужели средства нет?

Тропою той же ходит он,
 какой пришел ко мне,
А чудится: давно исчез
 в неведомой стране.

Мне сердце узами надежд
опутал бог любви, —
Способна ль юность хоть на миг
забыть мечты свои?

А чувства нет еще во мне,
что юность отцвела,
Хотя и мчится день за днем,
как за стрелой стрела.

Был у меня алмаз бесценный — юность,
но только им недолго я владела.
Меня любовью Кришна удостоил,
но страсть его отныне охладела.

Померк алмаз, непрочны стали чувства,
цветок утратил свежесть и пахучесть.
Кому колодец пересохший нужен? —
вот и меня ждала такая участь.

Молю тебя — шепни ему, подруга:
в светильнике еще осталось масло.
Сходи к нему, открой ему, подруга:
любовь моя нисколько не угасла.

Богач всемогущ, окружен почетом,
пока владеет золотой казною,
А станет нищим, все его покинут, —
вот так, скажи, случилось и со мною.

Я Радху к тебе привела,
любовь между вами зажгла,
А ты оскорбил меня —
сказал, чтобы прочь ушла.

Мой ум был на ложном пути,
свернуть с него нелегко,
И вот, словно муха, бьюсь,
попавшая в молоко.

Но, Мадхава, честно скажу:
мне лучше самой, поверь,
Что бегать по вашим делам
нет надобности теперь.

Как сладко меня ты хвалил,
пока я была нужна,
Не раз обо мне говорил:
искусна, ловка, умна.

А дело пошло на лад —
и ты показал свой нрав:
За что ты меня прогнал,
обидев и обругав?

Не пробуй же льстить и лгать,
меня не обманешь опять,
Ошибку не повторю —
не стану вам помогать!

Сквозь мрачный лес я шла дождливой ночью,
спеша под твой благословенный кров,
Ступни мои во тьме кусали змеи,
одежду рвали тысячи шипов.

Не раз нашептывала мне подруга,
что ты в любви неукротим и смел,
А я слаба — я не снесла ударов
того, кто держит пять разящих стрел.

О ты, кого считают благородным,
за безрассудство я себя клянущу:
Доверчивость мой разум усыпила —
лишь в этом вижу я свою вину.

Ах, не достигла я желанной цели,
от горя свет в глазах моих померк:
Великий муж, вместилище достоинств,
любовь мою насмешливо отверг!

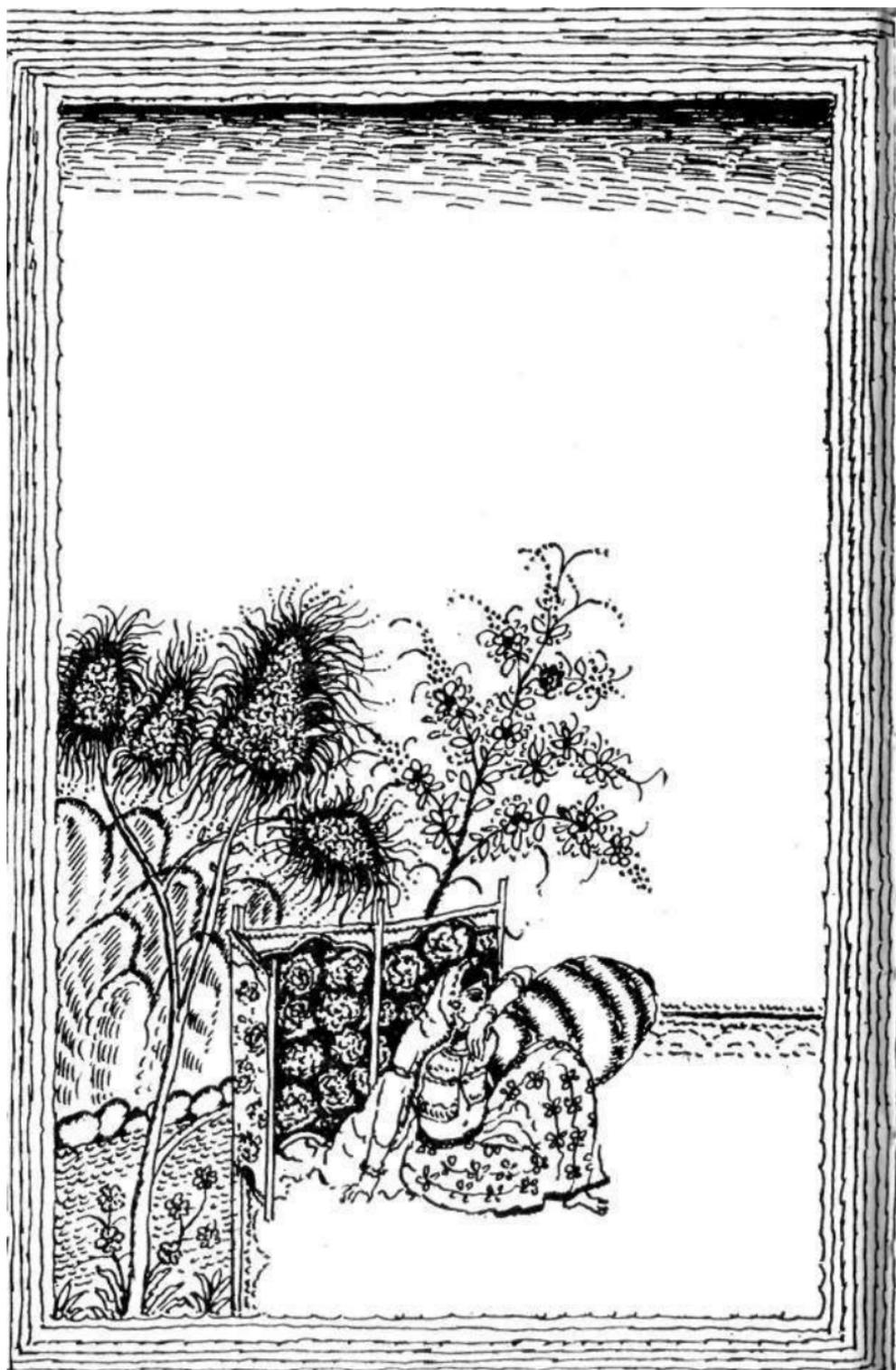
Теперь другим красавицам открою,
как я была наказана судьбой,
Чтоб сладкой лжи твоей не доверяли,
чтоб не искали близости с тобой.

Не знать мне больше радостей любовных,
теперь едва ль нам встреча предстоит...
Редеет ночь... Спешу домой вернуться,
а душу жгут отчаянье и стыд.

Расспрашивать меня придут подруги, —
что завтра им отвечу поутру?..
О, если так безжалостен всевышний,
пусть разорвется сердце, пусть умру!

Песни
о печали
и сожалении

Не она захотела — велела судьба
 разорвать любовную связь с тобой,
И одна лишь отрада осталась ей:
 хоть случайно увидеть тебя порой.

Уж такие настали горькие дни,
 что отныне душистого меда не пить,
Но украдкой вдохнуть его аромат
 разве может кто-нибудь запретить?

Тяжело, о Кришна, тебя любить!
 Злым недугом разлуки поражена,
Между жизнью и смертью сейчас она —
 дни и ночи в беспамятство погружена.

Ах, красавиц, свободных от пут любви,
 тайных встреч не знающих, в мире нет!
Минет юность — не купишь ее услад
 и за тысячу золотых монет.

Любовь душистым деревцем
 росла в душе моей,
Никто не поливал ее —
 не мог и знать о ней.

Покрылись ветки зеленью,
 цветы на них зажглись,
И волны свежих запахов
 повсюду разлились.

Увы, подруга, минула
 пора счастливых дней:
Узнал об этом деревце
 неведомый злодей.

И гибнет на глазах оно,
 иссушено тоской,
Как будто корни сломаны
 безжалостной рукой.

Он меня, как гирлянду,
 сначала на сердце носил,
Жить не мог без меня,
 быть подругою верной просил.

А потом мою верность
 отбросил по прихоти злой,
Будто нищий глупец,
 пренебрегший казной золотой.

Вить старалась я нежной,
 ему угождала, клялась,
А теперь, о подруга, страдаю,
 скорбя и стыдясь.

Ты во всем виновата,
 ты злом оказалась моим, —
Как скала, моя гордость была,
 а исчезла, как дым.

В словах любимой — суть самой любви,
в них утоление душевной жажды.
Достойный не прогонит деву прочь,
ее приняв с почтением однажды.

Противен нам сладкоречивый лжец —
прорвутся все равно дурные мысли:
Так лопается сахарный тростник,
чьи соки переспели и прокисли.

Любимый твой пришел, омыл ступни,
но все же погнушался нашей пищей.
Так — в неразумье — руку доброты
порой слепец отталкивает нищий.

Прости подругу верную свою —
о прошлых днях напомнить я посмею.
Из всех мужчин нашелся ль хоть один,
кто не был бы пленен красой твоею?

Прелестнейшая ты из жен земных,
а друг твой был глупей глупца любого.
Лягушка вкус нектара не поймет,
хоть пей она из лотоса святого.

И как твой светлый разум допустил, —
признаться, удивляюсь каждый день я, —
Что ты мужчину полюбить могла
такого низкого происхождения?

Нет в нем любви! Ведь горячей огня
любовь пылает в сердце благородном,
А кто видал, кто слышал, чтоб огонь
был, как змея ползучая, холодным?

Как море, бездонна, как золото, чиста,
тверда, как алмазные грани,
Была обоюдная наша любовь
в разгаре счастливых свиданий.

Бурлила, вздымалась она, а теперь
скудеет — и высохнет вскоре.
Лишь тучеподобный — возлюбленный мой —
наполнить бы смог это море.

Тебя об одном я, подруга, прошу:
уж если отчаюсь однажды,
Пристанище дай мне под кровлей твоей,
увидев, как плачу и стражду.

К нему я ласкалась, а он говорил
с усмешкою самодовольной,
Что, видно, по новым свиданьям томлюсь,—
и было мне стыдно и больно.

Я думала: где бы ни встретились мы —
в огне, на воде иль на суше —
Везде неизменною будет любовь,
нам так породнившая души.

Ведь все, что я в жертву ему принесла,
он ясно, как в зеркале, видел,
Ведь был он со мною счастливее всех,
и все ж не сдержался — обидел.

Пусть эта почти догоревшая жизнь
людьми обесславлена будет, —
Поступок возлюбленного моего
разумный не меньше осудит.

Был шмель ненасытен: до дна осушил
медвяные слезы жасмина,
Но стыдно и в дни увяданья цветку
корить своего властелина.

Никто, наверно, до недавних дней
не ведал ни различья, на границы
Меж тем, что муж достойный говорит,
и тем, что в мудрых ведах говорится.
Считали все, что так и быть должно —
все помнили закон причин и следствий,
А ты забыл о собственных словах,
и в этом был источник наших бедствий.
О Мадхава, ступай своим путем, —
всех чувств моих не выразить словами,
И лишь скажу: когда тяжка судьба,
то и вода рождать способна пламя.
Всегда дружила с лилией луна —
теперь они разобщены навеки.
Всегда считалось, что дурная мысль
не зародится в честном человеке.
Все извратилось в наш Железный век,
разлад владеет даже мудрецами...
Так начал делать все наоборот
и бог любви, играющий сердцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 19. *О наш Кришна — пастух, махараджа, герой...* — Кришна — многоликий персонаж индийской мифологии, литературы и искусства. В древних сказаниях Кришна является в облике пастуха, правителя, воина; согласно философии индуизма — земным воплощением бога Вишну (см. предисловие). В позднем сказании о Кришне, вобравшем в себя ранние варианты, рассказывается, что в Матхуре правил жестокий царь, демон Канса. Он творил беззакония, притеснял народ; не только люди, сама земля стонала от его тирании. Боги решили вмешаться и покончить с произволом жестокого правителя. Во время свадьбы Деваки, сестры Кансы, и раджи Васудевы голос с неба возвестил о том, что их восьмой сын убьет Кансу. Жестокий правитель бросил новобрачных в застенки, а затем одного за другим убивал рождаемых ими младенцев. Восьмым появился на свет Кришна. Отцу удалось, воспользовавшись ночной темнотой и страшной грозой, тайно переправить мальчика в дом пастуха Нанды. Там Кришна вырос и повзрослел, сам стал пастухом и полюбил пастушку Радху. В расцвете сил и молодости он навсегда покинул деревню и отправился в Матхуру, чтобы исполнить предначертание судьбы. В бою Кришна убил тирана Кансу, совершил множество других подвигов, затем основал на западном побережье Индии государство Дварку и правил им.

Махараджа — дословно «великий царь», высший титул владетельного князя в Индии; лицо, носящее этот титул.

Стр. 23. *Чаква* — птица с красноватым оперением, напоминает утку, живет на берегах рек и водоемов Индии.

Стр. 25. *Ямуна* (Джамна) — река на севере Индии, приток Ганга.

Камадэва (*Кама*) — бог любви в индийской мифологии. Он вооружен луком из стебля сахарного тростника, с тетивой, которую образовала гирлянда пчел, и пятью цветочными стрелами, за что получил прозвание Пятистрельный. Его называют также Бесплотный, Бестелесный. (См. примечание к стр. 40.)

Стр. 30. *А тысячу любимых жен...* — Согласно некоторым легендам, у божественного Кришны было свыше шестнадцати тысяч жен.

Стр. 33. *Индра* — в древнеиндийской мифологии почитался царем богов.

...я бы тысячу глаз его одолжила... — О происхождении тысячи глаз у Индры сложены легенды. Согласно одной из них, два могучих брата-демона покорили всю землю, убивали царей и брахманов, препятствовали празднествам и жертвенным обрядам; на земле исчезло скотоводство и земледелие, торговля и ремесла, не заключались браки; разрушены были города и священные храмы. И никто на земле не мог осилить этих демонов, ибо по воле Брахмы каждый из них был неуязвим и мог погибнуть лишь от руки своего брата. Чтобы погубить могучих братьев-демонов, боги из миллионов драгоценных камней сотворили прекрасную деву Тилоттаму, которая своей божественной красотой и прелестными формами превосходила всех женщин в трех мирах и способна была привести в смятение сердца и разум тех, кто мог ее видеть. Перед тем, как сойти на землю, Тилоттама,

согласно правилам приличия, обошла собрание богов слева направо. И так прекрасна она была, что боги не могли оторвать взор от ее тела, а у царственного Индры, который тоже жаждал взирать на нее, но не мог. позволить себе крутить головой, чтобы не унижить тем самым свое царское достоинство, всюду — с боков, сзади и спереди — появилась тысяча глаз. Вот почему один из эпитетов бога Индры — Тысячеглазый. Красота Тилоттамы поразила сердца братьев-демонов. Каждый из них считал, что прекраснейшая из женщин должна принадлежать именно ему. В жестоком поединке братья убили друг друга.

Гаруда — огромная царь-птица, на которой, согласно легенде, летает бог Вишну.

Стр. 40. *Ананга* — Бесплотный — одно из прозваний бога любви Камадэвы. Легенда гласит, что когда-то бог Шива долгое время пребывал в состоянии созерцания и глубокого философского раздумья, полностью отрешившись от восприятия внешнего мира. Прервать такое состояние считается в Индии большим грехом. Однако по требованию богов Камадэва вынужден был поразить великого Шиву своими стрелами любви, чтобы вернуть его мысли к восприятию окружающей действительности, обратить внимание Шивы на красоту его ученицы и помощницы, юной девушки Парвати. Шива заметил скрывавшегося в ветвях манго с луком в руках Камадэву, понял намерения бога любви и пришел в великую ярость. Открыл он свой третий глаз, что находился у него во лбу, яркий сноп пламени вырвался из этого глаза и испепелил Камадэву. Так стал бог любви Бесплотным, или Бестелесным. Утратив плоть, Камадэва не утратил своих способностей и, став незримым, разжигает любовную страсть в живых существах с помощью цветочных стрел.

Стр. 42. *Джатаки* — небольшое растение с ароматными цветами.

Стр. 43. *Малати* — душистый крупноцветный жасмин; девушка, молодая женщина.

Стр. 45. *Сандал его не лечит — распялет...* — Из древесины сандала делают лекарства, а также масла и кремы, которые освежают, приносят прохладу. С другой стороны, благородное благоухание сандала так же, как сияние луны, нежный крик индийской кукушки, ласковый южный ветерок, расцветающие лотосы, является необходимым условием полного, гармоничного проявления чувств влюбленных. Кришна страдает потому, что рядом нет возлюбленной, и пьянящая атмосфера любви лишь болезненно раздражает его.

Стр. 47. *Многих радостей нет у законной любви...* — В средневековой Индии браки, как правило, заключались не по любви, а по сговору родителей. Часто брачные обряды совершались над малолетними детьми: до фактического брака между ними проходили многие годы. Жестокие законы и строгие обычаи предписывали жене, если умирал муж, до конца дней своих оставаться вдовой. Случалось, что женщины всходили на погребальный костер покойного мужа. Лучшие умы Индии выступали против этих жестоких обычаев, однако многие живучие традиции семейного уклада сохранились там до середины нашего века. Так, перепись населения в Индии, проведенная в 1911 году, зарегистрировала в стране на этот год два с четвертью миллиона замужних женщин в возрасте от пяти до десяти лет, и более шести с половиной миллионов — в возрасте от десяти до пятнадцати лет. В том же году в стране насчитывалось свыше ста тысяч вдов в возрасте от пяти до пятнадцати лет! Цифры эти свидетельствуют, в частности, о том, сколько индийских женщин в прошлом были навсег-

да лишены светлой радости любви, еще не достигнув брачного возраста. Супружеская же неверность, естественно, сурово осуждалась в семье и обществе.

Стр. 49. *Чакор* — лесная птица, самец куропатки. Согласно легендам и народному поверью, чакор страстно влюблен в луну, по ночам он неотрывно глядит на нее и питается только лунным светом.

Стр. 57. *Так демон Раху, изрыгнув луну...* — В древней легенде говорится, что однажды боги собрались, чтобы выпить амриту — напиток, дающий бессмертие. Незаметно пробрался к ним демон Раху, тоже пожелавший обрести бессмертие. Раху уже успел вкусить глоток божественной амриты, когда Солнце и Луна заметили демона и открыли его присутствие богам. Одним ударом Вишну обезглавил демона, но Раху уже не мог умереть. Его тело и голова стали двумя из девяти планет на небосводе. С тех пор Раху мстит Солнцу и Луне, время от времени проглатывая их. Люди на земле видят тогда солнечные и лунные затмения.

Стр. 62. *...достигнув // десятой ступени любви.* — В древнеиндийских трактатах о любви дается подробная классификация любовного чувства по десяти ступеням, которые характеризуют постепенное усиление, обострение страсти влюбленного или влюбленной. Так, на первых ступенях любви влюбленного бросает в жар, он бледнеет, слабеет и худеет, теряет интерес ко всему окружающему; далее его охватывает тревога, он становится беспомощным, ни в чем не находит опоры; потом он погружается в свои думы, не реагирует на окружающую действительность. Последние ступени любви — безумие и смерть. Слова Радхи надо понимать так, что она идет на все в своем любовном безумии, что она умирает от любви, и лишь свидание с Кришной спасет ее.

Стр. 68. *Сирис* — индийская акация; белые цветы сириса нежны и благоуханны.

Стр. 72. *Чатака* — пестрая индийская кукушка, которая поет чаще всего в период дождей; поэтический образ весны и любви.

Стр. 80. *Мадхава* — одно из имен Кришны, дословно — медовый, весенний, пьянящий.

...похожих на две восходящих над Шивой луны. — По традиции, чело Шивы венчает изображение восходящей луны.

Стр. 82. *Дарующий счастье* — одно из имен бога Шивы.

Стр. 97. *И чтобы жаждущий чакор... в лицо не бросился тебе...* — В индийской поэзии часто лицо красавицы сравнивают со светлой луной; в луну страстно влюблен чакор. (См. примечание к стр. 49.) Вот почему Радхе советуют прикрыть лицо.

Стр. 102. *Но ведь в лотосах робких...* — Кисти рук Радхи здесь сравниваются с распутившимися цветами лотоса.

Стр. 104. *Ланка* — старинное название острова Цейлон.

Равана — десятиголовый демон зла, правитель острова Ланка, один из главных персонажей знаменитой индийской эпической поэмы «Рамаяна».

Стр. 106. *Гокуль* — название пастушеской деревни, где, согласно легендам, прошли детство и юношеские годы Кришны.

Стр. 107. *...багряная краска с ее ступней.* — В праздничные дни, при выполнении некоторых обрядов индийские женщины расписывали ступни ног и кисти рук красной краской или хной.

Стр. 114. *Говинда* — дословно «пастух», одно из имен Кришны.

Стр. 130. *Хари* — дословно «избавляющий от грехов», одно из имен Кришны.

Стр. 133. *Шумеру*, или Сумеру — мифическая золотая гора в Гималаях, за которую заходит солнце; на горе этой, по преданию, держится небо и обитают боги, небожители.

Стр. 134. *...море ладонью вычерпал...* — Здесь и ниже приводятся отголоски различных легенд о Кришне, где он выступает одним из могущественных богов индуизма. В песнях Видьяпати Кришна — человек, а не бог. Однако многочисленные реминисценции и ассоциации с Кришной — героем легенд и сказаний древности, каждый раз своеобразно видоизменяют его характер и представление о нем читателей.

Стр. 168. *Словно лотосы, росшие на земле, // начинают расти из воды.* — С лотосами здесь сравниваются стопы ног Радхи.

Стр. 180. *Пришло вознаграждение // за лучшее, что сделал я в прошедшем воплощении.* — Согласно учению индуизма, человек не умирает, он лишь утрачивает свою телесную оболочку, а душа его воплощается в новом облике — в худшем или лучшем, в зависимости от совершенных ранее дурных или хороших поступков, то есть от деяний человека в прошедшем бытие зависит его жизнь в настоящем.

Стр. 186. *...луну прославляя, Ц бесценные жертвует ей жемчуга.* — Лицо Радхи сравнивается с прекрасной луной, а росинки пота на лице — с бесценными жемчугами, которыми бог любви одаряет Радху в сладкие мгновенья любовной страсти.

Стр. 187. *Мадана* — дословно «разжигающий страсть, опьяняющий», одно из имен бога любви.

Стр. 192. *О красавица с поступью плавною, как у слона...* — Сравнивая величественную походку индийской женщины с плавной поступью слона, индийцы в той и другой усматривают неподдельную грациозность.

Стр. 200. *Будто черная самка-змея...* — Змея —

один из традиционных атрибутов Шивы. Согласно легенде, этот бог-разрушитель имеет устрашающий облик: во лбу у него третий глаз, тело покрыто пеплом, на шее ожерелье из свернувшейся в кольца змеи, одет он в тигровую шкуру... Однажды Шива хотел обратиться к истинной вере отшельников, живших в лесах и проповедовавших учение, противное шиваизму. Отшельники воспротивились, развели жертвенный огонь, силами чародейства сотворили свирепого тигра и направили его против Шивы. Тот одним движением мизинца содрал с него шкуру и надел ее на себя. Когда же отшельники, не смирившись, создали и напустили на Шиву огромную змею, он обернул ее вокруг своей шеи, как ожерелье. Таково мифологическое происхождение некоторых атрибутов Шивы.

Стр. 201. *То не когти ли демона // жадно хватают луну?* — Речь идет о демоне Раху, проглатывающем луну. (См. примечание к стр. 57.)

Стр. 209. *Ядунандан* — дословно «покровитель (или властелин) ядавов» — одно из прозваний Кришны. Ядавы — древний индийский род, к которому относят и Кришну.

Стр. 211. *Мурари* — дословно «враг Мура», одно из прозваний Кришны. Мур был могучим пятиголовым демоном, которого Кришна убил в одном из сражений.

Стр. 237. *...омыл ступни, // но все же погнушался нашей пищей.* — Согласно многовековому обычаю, путнику, зашедшему в дом, хозяйка прежде всего приносила воду для омовения его уставших в дороге и покрытых пылью ног. Особенно драгоценной считалась вода из Джамны, Ганги и других священных для индийца рек и водоемов. После омовения ног гостю предлагалась еда; отказаться отведать пищу значило отвергнуть гостеприимство и оскорбить хозяев дома.

Стр. 239. *Тучеподобный* — прозвание Кришны, которого сравнивают с черной грозовой тучей именно потому, что он сам черный, темнокожий. Слово «Кришна» означает «черный».

Стр. 241. *Всегда дружила с лилией луна...* — Белые водяные лилии раскрываются ночью при свете луны. В индийской поэзии ночные лилии считаются возлюбленными луны.

Все извратилось в наш Железный век... — Индийская мифология различает четыре мировых периода (юги): Сатья-юга, или Критаюга, — Золотой век, Третаюга — Серебряный век, Двапараюга — Медный век и Калиюга — Железный век. Согласно легендам, Железный век начался за три тысячи лет до нашей эры и продлится 432 000 лет. Этот век нашел широкое отображение в индийской, особенно средневековой, поэзии как век греховный, век зла и насилия, страданий и обнищания населения. Каждый поэт, естественно, по-своему истолковывал век зла; Тулсидас, например, очень точно и полно характеризовал пороки современного ему феодального общества. Видьяпати упоминает о Железном веке устами Радхи, которая, навсегда расставаясь с возлюбленным, с горечью говорит об утраченной любви.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Цветков. Видьяпати и его песни любви	5
Вступление	19

ПЕСНИ О ВСТРЕЧЕ РАДХИ И КРИШНЫ

«Прелестная купается... И кто бы...»	23
«Беспечно играла ты на песке прибрежном...»	25
«Она прошла, и понял я: красивей в мире нет!...»	27
«Лицо у нее прекрасно, а смех серебрист, певуч...»	29
«Кто совершил столь дальний путь...»	30
«Вот по этой тропе, в тот весенний день...»	32
«Этой ночью в светлом сновиденье...»	34
«Порывистой была, а стала вдруг...»	36
«Чем больше чести и похвал...»	37
«Сердце твое как цветок горящий...»	39
«Тебя надеясь повстречать, он бродит при луне...»	41
«Распустились цветы, источают пьянящий хмель...»	43
«Из влажных лотосов устроив ложе...»	45
«О любимица наша! В тебе нахожу...»	46
«Есть и ярче красавицы — много их в нашем краю...»	48
«Тоскует юная жена, подобная царице пчел...»	50

ПЕСНИ О ПЕРВОЙ НОЧИ

«Он — муж красавицы другой, и ты — жена другого...»	55
«В час первого слиянья, первых ласк...»	56
«Любовник несравненный он, полна и ты огнем...»	58
«Сначала волосы укрась и знак на лбу поставь...»	59
«Дождливая ночь темна, холодна...»	61
«Ты мне это тяжкое дело...»	62
«Жди, оставайся на ложе — и не тревожься ничуть...»	64
«Подружка моя, подружка! Зачем мы пришли сюда?...»	66

«Стыдливую к тебе я привела...»	68
«Когда я шагнула к ложу...»	70
«Одежду сорвал он о меня, как змею...»	72
«Лотос пламенный раскрывается...»	74
«Ночь кончается... Лотос уже приоткрылся слегка...»	76
«На грудях ее — незрелых плодах...»	78
«О Мадхава, сердце твое невозможно понять...»	80
«Сидит с распущенными волосами...»	82
«В ночь нашей первой близости любовной...»	84

ПЕСНИ О СЧАСТЛИВЫХ СВИДАНИЯХ

«Весной любясь радостно, давай пойдем туда...»	89
«О нежная, скрой поскорей лицо...»	90
«Деревьев тысячи в лесах...»	92
«Утопает широкое ложе в цветах...»	94
«Как меня ненасытно он любит всю ночь напролет...»	95
«Пойдем, красавица, пойдем, — лицо атласной тканью...»	97
«С утра шел дождь из тяжелой тучи...»	99
«Он моей красотой восхищаться так пылко готов...»	101
«Приветливо с друзьями говоря...»	103
«Черных прядей завеса чело луноликой закрыла...»	105
«Уста обожженные стали черны...»	106
«Не пойду на свиданье — любовь потеряю...»	108
«Из объятий ее выпускать не спеши...»	110
«Ты любишься утром жизни...»	111
«Над цветущими рощами зовы кукушек слышны...»	113
«Крепки его объятия, неутомим мой милый...»	115

ПЕСНИ О ПЕРВЫХ РАЗМОЛВКАХ

«Слова его страстные слаще нектара сочтя...»	119
«В селенье родичей полно, да и дурных людей...»	121
«Чистый сахар сперва в молоке растворили святом...»	123
«Незрячий, прежде чем шагнуть, нащупывает путь...»	125
«Хочу коснуться губ ее губами...»	127
«Пылала все ярче любовь — и вдруг ее сладость ушла...»	129
«С ним на ковер цветов ты не легла покорно...»	131
«Луна в небесах красуется...»	133
«Послушай, Радха, я скажу правдиво, откровенно...»	135
«Чем больше воду черпаешь, тем чище водоем...»	137
«Пока с тобой говорит любовник...»	138
«Лжецов и хитрецов не счесть...»	140
«С той поры, как на тайную встречу тебя привела я...»	141

«Чем больше в тягле раскаляешь золото...»	143
«Струятся слезы из померкших глаз...»	144

ПЕСНИ О НЕЖДАННОЙ РАЗЛУКЕ

«Власть любви — я забыла, о ней...»	149
«Обещал мой любимый, что ночью весенней...»	151
«Поутру со всех лесных опушек...»	153
«На этом ложе каждый день рассыпаны цветы...»	155
«Попадись мне творец, я б связала его...»	156
«То в жар ее мучительный бросает...»	157
«Не изнуряй себя тоской, не мучься беспричинно...»	159
«О помоги, почтенный странник, мне...»	161
«Творец — искуснейший гончар...»	163
«Можно ль пламенем сжечь...»	165
«Поблекшие щеки я локонами убрала...»	167
«Тихо слезы струятся к ее ногам...»	168
«Дорожит своим словом мужчина...»	169
«Из глаз роса струится непрерывно...»	171
«Сандаловую мазь достав...»	173

ПЕСНИ О НОВЫХ ВСТРЕЧАХ

«Я сидела, плела гирлянду...»	177
«В дни долгой разлуки жила я мечтою одной...»	179
«Светлей луны твое лицо, — и, словно мрак осенний...»	180
«Сидела я совсем одна в пустом своем дому...»	182
«Я совсем молода, а супруг мой в неведомых странах...»	184
«Распущены косы — их темные пряди...»	186
«Красны от бессонницы веки твои...»	188
«Рассыпались волосы, растрепались...»	190
«О не медли, моя луноликая, время не ждет...»	192
«До рассвета дождь непрерывно льет...»	194
«Угрюмая ночь. На дорогах — бродяги...»	196
«Чаши грудей моих он дрожащими гладит руками...»	198
«Ты струистые волосы снова в косу заплела...»	200
«Объятыя его беспощадны, не тронул его мой плач...»	202

ПЕСНИ О ССОРАХ И ОБИДАХ

«Пока — стройна и колода — перед тобой стою...»	207
«Любовь, доверье пробудил — и вновь надежду погасил...»	209

«Кто знал, что сердце у тебя так дерзко и лукаво...»	211
«Дикой бурей гонима, жестоким дождем грозovým...»	213
«Не сердце — алмаз у него в груди...»	215
«У доброго и мысль чиста, и нерушимо слово...»	217
«Сперва надежду подал мне...»	219
«Прекрасноликая пришла на место прежних встреч...»	221
«Наслушался ли милый мой наветов злых людей...»	223
«Был у меня алмаз бесценный — юность...»	225
«Я Радху к тебе привела, любовь между вами зажгла...»	226
«Сквозь мрачный лес я шла дождливой ночью...»	228

ПЕСНИ О ПЕЧАЛИ И СОЖАЛЕНИИ

«Не она захотела — велела судьба...»	233
«Любовь душистым деревцем росла в душе моей...»	234
«Он меня, как гирлянду, сначала на сердце носил...»	236
«В словах любимой — суть самой любви...»	237
«Как море, бездонна, как золото, чиста...»	239
«Никто, наверно, до недавних дней...»	241
П р и м е ч а н и я	242

В42 **Видьяпати.** Песни любви. Из индийской средневековой лирики. Пер. С. Северцева. Сост., подстрочный пер. стихов с майтхили, вступит. статья и примеч. Ю. Цветкова, М., «Худож. лит.», 1977.

254 с.

Видьяпати — выдающийся представитель староиндийской поэзии XIV—XV веков, воспевший любовные отношения молодой красавицы Радхи и божественного юноши Кришны. Высокая поэтичность, тонкое изображение человеческих чувств, красочные картины индийской жизни и природы, подлинная народная мудрость делают стихи Видьяпати одним из шедевров мировой лирической поэзии.

И(Инд)

В 70404-212
028(01)-77 199-77

ВИДЬЯПАТИ
ПЕСНИ ЛЮБВИ

Редактор
Г. Ярославцев
Художественный
редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Ковнацкая
Корректор
М. Пастер

Сдано в набор 28/V 1976 г. Подписа-
но в печать 19/I 1977 г. Бумага ти-
пографская № 1. Формат 70x90¹/₃₂.
8,0 печ. л. 9,336 усл. печ. л. 5,949 уч.-
изд. л. Тираж 25.000 экз. Заказ 1828.

Цена 73 коп.

Издательство «Художественная лите-
ратура». Москва, Б-78, Ново-Басман-
ная, 19

Московская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по
делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, Мало-Мос-
ковская, 21